

Глава IV

КРИЗИС ЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ 1927/28 г.

1. Хлебозаготовки

Победы на «хлебном фронте» были восприняты лидерами партийного большинства как подтверждение правильности избранного ими курса в аграрной политике и несостоятельности утверждений оппозиции об «опасностях нэпа». Еще 11 ноября 1926 г. новый нарком торговли СССР А.И. Микоян (сменивший в августе на этом посту Л.Б. Каменева) на Всесоюзном хлебном совещании заявил: *«Ошибки в деле хлебозаготовок в прошлом году оппозицией приписывались тому, что мы столкнулись с ростом непреодолимого сопротивления, которое оказывает нам крестьянство в наших регулирующих мероприятиях. Практика четырехмесячных заготовок нового года показала, что это совершенно неверно. Основные трудности, которые были в прошлом году, в общем изжиты, и взваливать всю вину за неудачу хлебозаготовок на крестьянство – это сваливать ответственность с больной головы на здоровую»*¹.

Весенние заготовительные трудности были восприняты партийно-государственным руководством СССР как временные, и вышеприведенный вывод А.И. Микояна, относящийся к осени 1926 г., был фактически повторен на состоявшемся в конце июля – начале августа 1927 г. объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). В разделе резолюции пленума по докладу А.И. Рыкова «О хозяйственных директивах на 1927–28 год», в котором описывался провал пессимистических предсказаний оппозиции, в частности, заявлялось: *«Исключительные трудности оппозиция «предвидела» в области хлебозаготовок и связанного с ними выполнения экспортно-импортного плана. Правильное руководство партии работой государственного аппарата привело к превышению хлебозаготовок в сравнении с предыдущим годом, упорядочению заготовительной работы и к обеспечению, вопреки предсказаниям оппозиции, правильной классовой линии в деле заготовок, в*

частности путем удержания на одном уровне осенних и весенних хлебных цен»².

Достижения в сфере централизованных закупок создали впечатление полного овладения государством всеми процессами хлебного рынка и всеми рычагами, на него воздействующими. Казалось, что регулирующие мероприятия, которые в обстановке кампании 1926/27 г. способствовали выполнению поставленных задач настолько эффективны, что при некотором их совершенствовании смогут быть достаточными для решения проблем следующего заготовительного года. Основными направлениями совершенствования системы государственно-кооперативного хлебозакупа на 1927/28 г. были признаны: усиление роли плановых заготовительных организаций; повышение роли кооперации в заготовках и снабжении внутреннего рынка и дальнейшая централизация кооперативного аппарата; сокращение числа государственных заготовителей; районирование мукомолья в соответствии с потребностями внутреннего рынка и доведение до максимальной нагрузки мельниц и элеваторов; упорядочение грузовых потоков; сохранение достигнутого уровня цен при некотором их повышении для наиболее дешевых культур и районов.

Исходя из реализации этих задач была продолжена реорганизация заготовительного аппарата. Хлебный отдел Госбанка окончательно снимался с рынка. Все элеваторы, принадлежавшие Госбанку, передавались в ведение Наркомторга СССР. «Хлебопродукт» прекращал свою деятельность на рынках Украины и Северного Кавказа. Его заготовительная сеть в данных регионах передавалась Укрхлебу и Кавхлебу. Кроме указанных заготовительных организаций в число плановых заготовителей в кампанию 1927/28 г. были включены российские и украинские центры потребительской и сельскохозяйственной кооперации и Масложирсиндикат.

Схема организации государственного хлеботоргового аппарата на 1927/28 г. предусматривала также оставление в каждом заготовительном районе лишь одного, принадлежащего государственной заготовительной организации сыпного пункта. Масложирсиндикат имел право приобретения маслосемян либо на перерабатывающих предприятиях, либо по договорам у потребительской и сельскохозяйственной кооперации. Причем на заготовки маслосемян распространялись все ограничения, применяемые в 1926/27 г. в сфере хлебозакупа. Вводилось, в частности, «экономическое регулирование» их перевозки, пересматривались арендные договоры на маслобойни, принимались согласительные закупочные цены.

Предполагалось продолжить практику изъятия мельниц из частной аренды или заключения с ними новых договоров. Основным заготовительным организациям рекомендовалось заключать с мельницами, находящимися в частной собственности, договоры на покупку продукции. При этом число мельпредприятий, вовлеченных в договорные отношения, следовало ограничить, дабы не вызвать с их стороны повышенного спроса на хлеб. В договоры на покупку продукции частных мукомолов вносились условия о приобретении ими зерна только в районе действия мельницы. Как правило, не допускалось финансирование частных мельниц. Договоры с ними должны были представляться в местные органы Наркомторга для их предварительного согласования и утверждения. К заключению договоров допускались лишь «Хлебопродукт», Укрхлеб и Кавхлеб. Только этим трем организациям разрешилась и покупка зерна у частных лиц. Причем операции с частниками допускались в районах, указанных местными торговделами (подразумевались районы с незначительными и распыленными запасами хлеба, в которых отсутствовали ссыпные пункты госзаготовителей и была слаба местная кооперация). В остальном в новом заготовительном году сохранялись принципы организации хлебного рынка, применявшиеся в 1926/27 г.

При подготовке к новой заготовительной кампании учитывалось состояние зернового производства. На ожидаемый урожай повлияло сокращение прироста посевных площадей. Если в 1926 г. посевы под зерновыми в целом по стране увеличились на 7%, то 1927 г. – только на 1%. Несколько меньшей в 1927 г., чем в 1925 и 1926 гг. оказалась и урожайность зернового поля³. Тем не менее валовой сбор хлебов в 1927 г. должен был по экспертным (августовским) оценкам снизиться по сравнению с предыдущим всего лишь на 3%⁴. Столь незначительное уменьшение валового сбора позволяло утверждать, что в стране будет собран третий подряд хороший урожай.

По мере выявления видов на урожай начал формироваться план хлебозакупа. В конце июля СТО определил 700 млн пудов в качестве «предварительной контрольной цифры» предполагаемой заготовки зерновых (на 8% больше фактических закупок 1926/27 г.). При этом в оперативных планах централизованных заготовок, внутреннего снабжения и экспорта следовало исходить из объема в 675 млн пудов, а вопрос о дополнительном распределении оставшихся 25 млн пудов решить в конце II квартала в зависимости от хода кампании⁵. В августе на совещании в Москве представители местных торговделов заявили, что план завышен и приобрести больше 584 млн пудов зерна вряд ли удастся. Однако в Госплане СССР, напротив, расценивали

предварительный план как слишком заниженный. При этом его специалисты ссылались на данные экспертов ЦСУ, утверждавших, что в крестьянских хозяйствах накопились значительно возросшие за два предыдущих урожайных года запасы хлеба, которые обеспечивали 10%-ный прирост его товарного выхода по сравнению с 1926/27 г.⁶

С доводами специалистов Госплана фактически согласились и участники состоявшегося в конце июля – начале августа пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), в резолюции которого делался вывод о том, что *«наличие в результате двух удовлетворительных урожаев значительных хлебных запасов в деревне позволяет в предстоящем году расширить хлебозаготовительный план»*⁷. Тем не менее А.И Микоян в условиях уже начавшихся заготовительных затруднений сумел добиться утверждения государственного плана заготовок на 1927/28 г. в размере 675 млн пудов. При этом Наркомторг для «страховки» его выполнения дополнительно разверстал по регионам еще 2 млн пудов. Впоследствии общегосударственный план централизованных заготовок хлебопродуктов увеличился до 697 млн пудов за счет частичного включения в него заготовительных заданий (20 млн пудов) Сибкрайсоюза и Сибторга, которые до этого считались местными заготовительными организациями. Окончательный вариант плана централизованных закупок маслосемян составил 76 млн пудов⁸.

Разногласия между Госпланом и Наркомторгом СССР возникли и по поводу уровня директивных цен на предстоящую кампанию. Наркомторг предлагал их несколько повысить, а Госплан, наоборот, понизить (на 4 коп. за пуд). СТО вначале поддержало Наркомторг, но затем приняло решение о сохранении директивных цен на уровне 1926/27 г., что, по мнению специалистов Наркомторга, в связи с повышением качества зерна означало их фактическое снижение. А.И. Микоян поставил вопрос о повышении закупочных цен перед Политбюро, но поддержки там не нашел⁹.

В целом в ходе заготовительной кампании 1927/28 г. планировалось закупить в централизованном порядке не менее 87% товарного хлеба. Большую часть приобретенной продукции предполагалось пустить на удовлетворение возросшего внутреннего спроса. Экспорт был намечен в размере, составляющем немногим более половины от фактического вывоза хлебопродуктов из страны в предыдущем году. Одной из наиболее важных задач кампании считалось накопление в государственном резервном фонде 50 млн пудов зерна и муки. Этого требовала вероятность получения менее удовлетворительного урожая в ближайшие годы при сохранении возросшего внутреннего потребления. Без создания хлебного резерва, по мнению большинства специа-

листов, страна в будущем могла оказаться в весьма затруднительном положении¹⁰. Таким образом, на 1927/28 г. приняли внушительную, но с точки зрения руководителей советской экономики, вполне выполнимую заготовительную программу. Обеспечить ее осуществление были призваны мероприятия по поддержанию стабильных закупочных цен на зерно. Своеобразной компенсацией крестьянству за низкие хлебные цены должно было стать снижение розничных цен на промтовары.

В Сибири прирост посевных площадей оказался значительно выше, чем в среднем по стране. За год общая площадь посевов зерновых культур в крае выросла на 11,0%, площади под пшеницей – на 13,1%. Урожайность зернового поля оказалась ниже, чем в 1926 г. Если тогда с одного гектара было собрано 9,1 ц, то в 1927 г. – 8,3 ц. Общая урожайность зерновых снизилась за счет пшеницы (с 8,2 ц/га в 1926 до 7,8 ц/га в 1927 г.) и овса (с 10,5 до 9,7 ц/га). Сбор ржи с единицы площади, напротив, вырос с 8,4 до 8,8 ц/га. Изменилась и география урожая. На западе края он понизился (примерно на 13%), а на востоке увеличился примерно на 20%¹¹.

Сибкрайстатотдел определил валовой сбор всех хлебов урожая 1927 г. в 346 млн пудов, или на 6,3 млн пудов выше валового сбора 1926 г. Однако в связи с существенным увеличением потребления хлеба сельским населением размер товарных излишков от сбора 1927 г. исчислялся в меньших по сравнению с предыдущим годом размерах и должен был составить 75,1 млн пудов. Вместе с запасами от урожаев прошлых лет потенциальные рыночные остатки зерна определялись в 102,7 млн пудов, или на 14% меньше, чем в 1926/27 г. Тем не менее крайторготдел предложил, а крайисполком утвердил план централизованного хлебозакупа по Сибири в размере фактической заготовки 1926/27 г., т.е. в 80 млн пудов¹².

Несмотря на то, что сибирские власти, исходя из меньшего объема товарных излишков, считали этот план достаточно напряженным, Наркомторг СССР вначале решил увеличить его до 84 млн пудов, но, встретив со стороны Сибкрайторготдела «решительное возражение», ограничился 82 млн пудов. 60 млн из них предполагалось вывезти за пределы региона (так называемое задание Центра) и 22 млн использовать на внутрисибирское снабжение¹³. Данный вариант плана централизованного хлебозакупа был окончательно утвержден президиумом Сибкрайисполкома 21 декабря 1927 г. и разверстан по заготорганизациям и округам. «Сибхлебопродукт», Сибкрайсоюз и Сибсельскосоюз получили задание заготовить по 24 млн пудов каждый, Сибторг – 9 млн, мельтресты и маслобойные предприятия – 1 млн пудов. Пшеницы предполагалось закупить 58 млн пудов, ржи – 12,2, зернофуража

– 8,2, маслосемян – 2,8 и крупяных культур – 0,9 млн пудов. Годовой план по юго-западным округам составил 52,7 млн пудов (фактическая заготовка 1926/27 г. – 64 млн пудов), по северо-восточным округам – 29,3 млн пудов (в 1926/27 г. там было закуплено всего 16 млн пудов)¹⁴.

Перемещение урожая в менее товарные восточные районы края, недобор зерновых в соседних регионах – на Урале и в Казахстане, обострение товарного голода, настроения жителей деревни в связи с «военной опасностью» могли, по мнению как специалистов Сибкрайторготдела, так и краевых партийных и советских властей, затруднить проведение заготовительной кампании и возродить у крестьян надежду на повышение цен, вызвав с их стороны задержку реализации хлеба. Бюро Сибкрайкома ВКП(б) в связи с этим обязало окружкомы компартии *«ввиду напряженности предстоящей хлебозаготовительной кампании»* уделить ей *«достаточное внимание»*. Предотвратить возникновение заготовительных трудностей предполагалось за счет строжайшего соблюдения согласительных цен, упорядочения инорайонного спроса и внутрисибирского снабжения, усиления товароснабжения деревни за счет города, разъяснительной работы среди крестьян¹⁵.

Следует отметить, что весьма осторожно к перспективам новой хлебной кампании подходили некоторые специалисты и ответственные работники не только в Сибири и других зернопроизводящих регионах, но и в центре, отмечая ряд существенных моментов, которые в ее ходе могли привести к затруднениям. Ответственный работник хлебофуражного управления Наркомторга СССР А.Б. Залкинд называл среди них отсутствие маневренных фондов, напряженное состояние спроса в потребляющей полосе под влиянием «военной опасности» и вызванную тем же самым и уже проявившуюся в IV квартале 1926/27 заготовительного года тенденцию к задержке крестьянами реализации произведенного ими хлеба. Он сделал вывод о том, что *«наиболее трудным и сложным участком сельскохозяйственного рынка в настоящем году явится хлебный рынок»*¹⁶. Аналогичную позицию занимали специалисты Конъюнктурного института. Отметив тенденцию к росту вольных рыночных цен на зерно в первом квартале 1927/28 заготовительного года при их снижении в соответствующий период предыдущего года, они выразили сомнение в возможности успешного проведения хлебозаготовок на основе низких закупочных цен и сделали вывод о том, что *«предстоящая хлебозаготовительная кампания не обещает быть особенно легкой»*¹⁷.

Однако эти предостережения лидерами партии и государства, занятыми добыванием левой оппозиции, руководителями соответствующи-

ших экономических ведомств и, прежде всего, Наркомторга Союза были проигнорированы. Все они с оптимизмом смотрели на перспективы наступающей кампании. Начало хлебозаготовительного года в целом подтверждало оптимистичные прогнозы. Централизованные закупки хлеба в конце лета 1927 г. развивались успешно. Их объемы превышали плановые задания и результаты тех же месяцев предыдущего года¹⁸.

Успех заготовок в июле–августе определялся тем, что к концу лета крестьяне стали больше нуждаться в деньгах. К тому же большую часть своих средств сельские жители истратили на «предвоенную» покупку промтоваров. Технические культуры к этому времени еще не созрели и продавать крестьяне могли только зерно. Но главным стимулом для усиления реализации хлеба стало некоторое повышение на него закупочных цен в связи с достаточно напряженным состоянием потребительского хлебного рынка. «Военная опасность» продолжала вызывать хотя уже и не ажиотажный, но все-таки усиленный спрос на муку. Запасы же хлеба в стране к новой кампании были накоплены еще в меньшем количестве, чем к предыдущей. Большая часть этих запасов (до 40%) в неперемолотом виде была сосредоточена в Сибири и в Восточном Казахстане, их нужно было перевезти в потребляющую полосу страны¹⁹.

С целью ускорения реализации зерна крестьянами производящих районов СССР Наркомторгом Союза было дано официальное указание основным заготовительным организациям повысить закупочные цены в среднем на 3 коп. за пуд. На местах цены поднялись еще больше за счет всевозможных доплат за партионность, за сдачу непосредственно на мельницы или элеваторы, за хорошее качество зерна²⁰. Это создавало стимулы для вывоза крестьянами своего хлеба на рынок. При этом реализовалось преимущественно прошлогоднее зерно, так как хлеб нового урожая не был еще убран и обмолочен. И делали это более зажиточные крестьяне, у которых оставались товарные излишки.

Крестьянские привозы зерна в хлебопроизводящих районах европейской части СССР продолжали увеличиваться от декады к декаде вплоть до середины сентября. Однако во второй половине сентября ситуация изменилась. В каждую из последующих декад после 10 сентября и вплоть до 10 ноября хлеба закупалось меньше, чем в предыдущую. Лишь со второй декады ноября снижение заготовок прекратилось, и они стабилизировались на уровне 1,3–1,4 млн пудов за десять дней. В октябре 1927 г. объем централизованных заготовок в целом по стране составил 78%, а в ноябре – 48% от соответствующих месяцев

предыдущего года. С 1 июля по 1 декабря 1927 г. зерна было закуплено на 49,6 млн пудов меньше, чем с 1 июля по 1 декабря 1926 г.²¹

В связи со значительным снижением заготовок возникла реальная опасность ухудшения снабжения потребляющих районов, тем более что потребление хлеба (преимущественно пшеничного) продолжало увеличиваться. Поскольку частники из межрайонного оборота были окончательно вытеснены, вся тяжесть снабжения потребляющей полосы легла исключительно на плановых заготовителей. Однако хлеба, закупаемого ими, стране уже не хватало. В связи с этим было решено резко сократить экспорт продовольственных культур. Если до 1 декабря 1926 г. из страны было вывезено 81 млн пудов зерновых, то на 1 декабря 1927 г. – только 29 млн пудов²². Таким образом, недозаготовка хлеба по сравнению с тем же периодом прошедшего года в 49,6 млн пудов была компенсирована за счет сокращения экспорта.

Сложившееся в сфере централизованного хлебозакупа положение тем не менее не было воспринято партийно-государственным руководством СССР как критическое. Заготовительные трудности расценивались как временные и вполне преодолимые. Нарком торговли А.И. Микоян даже в начале декабря заявлял: *«Мы считаем, что снижение хлебозаготовок является временным и в ближайшее время сменится повышательной тенденцией на хлебозаготовительном рынке»*²³. Вопреки ожиданиям высшего руководства страны ситуация с закупками хлеба не улучшилась. Объем хлебозаготовок декабря 1927 г. уступал даже объему заготовок декабря недородного 1924 г.²⁴

Не лучше было положение и в Сибири (табл. 19). Лишь в сентябре заготовки в регионе превышали (на 17%) прошлогодние. Однако в силу того, что в этом месяце всегда закупалось очень малое количество хлеба, никакого влияния на дальнейший ход кампании данные результаты не оказали. Но даже от сентября ожидалось значительно больше – месячный план был выполнен на 91%. Ситуация резко ухудшилась в третьей декаде октября (первые две декады давали превышение над прошлогодним уровнем заготовок), в которой объем хлебозакупа был почти в 2 раза меньше, чем в третьей декаде октября 1926 г. В октябре в целом размер заготовок составил 78% от уровня октября 1926 г., а выполнение плана – 84%. Ноябрьские заготовки закончились полным провалом. Хлебопродуктов в централизованном порядке закупили в 2,5 раза меньше, чем в том же месяце прошлого года, а выполнение месячного задания составило 52%. Декабрь дал 46%-ное снижение от уровня 1926 г. при выполнении плана в 66,5%²⁵.

Ход централизованных хлебозаготовок 1927/28 г. в Сибири
(по месяцам)

Месяц	Фактическая заготовка, тыс. пудов	% к факти- ческой заго- товке 1926/27 г.	% к годово- му итогу	Выполнение месячного плана, %
1927 г.				
Сентябрь	1790,6	117	2,4	89,4
Октябрь	7781,3	78	10,2	84,1
Ноябрь	5753,9	39	7,6	52,0
Декабрь	9854,7	64	13,0	66,5
1928 г.				
Январь	9083,0	92	11,9	58,6
Февраль	20520,8	186	27,0	93,3
Март	11666,1	193	15,3	55,6
Апрель	2747,9	63	3,6	39,3
Май	1279,6	77	1,7	36,9
Июнь	4156,9	149	5,5	72,9
Июль	1043,3	50	1,4	63,2
Август	302,2	28	0,4	22,3

Источники: ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 68, л. 159; ф. П-2, оп. 2, д. 217, л. 149, 451, 472, 616, 711; ф. Р-1073, оп. 1, д. 25, л. 304; д. 17, л. 131; д. 37, л. 17; Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 12 апр.; 31 мая; 15 авг.; 27 сент.

Примечание: В таблице приведены оперативные данные.

На 1 января 1928 г. объем хлебозакупа по краю достиг 25,2 млн пудов, что составляло 30,7% от годового плана, 67,7% от календарного задания и 60,8% от хлебозаготовок первых четырех месяцев кампании 1926/27 г. Особенно трудно шли закупки в северо-восточных округах края, где выполнение годового плана в целом составило 19,4%. В Красноярском, Кузнецком, Минусинском, Иркутском и Тулунском округах на конец декабря было заготовлено соответственно 5,1%; 6,0; 6,7; 12,1 и 14,4% от годового задания (табл. 20). Неудовлетворительный ход заготовок на северо-востоке, где крестьяне выращивали преимущественно рожь, особенно отрицательно повлиял на размеры ее закупок. План по сбору этой культуре удалось выполнить всего на 15,8%²⁶. Таким образом, Сибирский край со своей заготовительной программой не справлялся. Между тем на регион возлагались большие

надежды в связи со снижением возможностей ряда производящих районов. Сибирский хлеб должен был стать источником образования резервов на период весенней распутицы.

Т а б л и ц а 2 0

Ход централизованных хлебозаготовок 1927/28 г. в Сибири
(по округам)

Округ, регион	На 1.01.1928 г.		На 1.05.1928 г.		На 1.09. 1928 г.	
	тыс. пудов	% к годовому плану	тыс. пудов	% к годовому плану	тыс. пудов	% к годовому плану
Омский	2567,4	34,2	5676,7	75,6	6277,4	83,6
Славгородский	2798,6	38,2	5793,8	79,1	6175,9	84,3
Барабинский	606,6	33,1	1429,5	78,1	1472,3	80,4
Новосибирский	1907,3	38,4	5429,2	109,4	5888,3	118,7
Каменский	1159,3	27,1	3682,5	86,1	4067,1	95,2
Барнаульский	2666,2	36,4	6375,0	87,0	7029,5	96,0
Бийский	2941,0	31,5	7869,0	84,2	8557,0	91,6
Рубцовский	4844,8	47,5	10101,2	99,1	10998,0	107,9
Юго-запад края	19491,3	36,9	46358,2	87,9	50466,8	95,6
Томский	1227,4	41,9	3417,2	116,6	3762,8	128,4
Кузнецкий	90,8	6,0	1191,6	78,1	1436,4	94,1
Ачинский	2081,0	37,9	5842,9	106,3	6403,3	116,6
Красноярский	186,1	5,1	1901,6	51,9	2241,0	61,2
Минусинский	268,0	6,7	2556,9	65,9	2911,5	72,3
Канский	968,4	19,1	3149,8	62,2	3389,1	66,9
Иркутский	444,5	12,1	2746,7	75,0	3221,7	88,0
Тулунский	423,0	14,4	1909,6	65,2	2121,4	72,4
Северо-восток края	5689,2	19,4	22876,6	78,1	25548,2	87,2
Итого по Сибири	25180,5	30,7	69234,8	84,4	76015,0	92,7

Источники: Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 13 нояб.; 1928. 19 янв.; 8 марта; 8 апр.; 14 июня; 27 сент.

Примечание: На 1 января и 1 мая 1928 г. данные оперативные. В итоги по округам включена некоторая доля перекупок.

На итоги выполнения календарного плана в Сибири повлияли неблагоприятные погодные условия. В октябре-ноябре в регионе небывало долго держалась распутица. В декабре начались бураны и силь-

ные морозы. Была преувеличена и сама заготовительная программа, в основу которой заложили ожидаемый 2%-ный прирост валового производства зерновых. В действительности сбор зерна в крае по сравнению с 1926 г. снизился на 11%²⁷. Не полностью учли планирующие органы и уменьшение товарности зерновых в связи с изменением географии урожая. Помимо снижения валового сбора в более товарных юго-западных округах и его увеличения в менее товарных северо-восточных неблагоприятными для заготовок были и внутренние особенности данных районов. Недород в Тарском, Тулунском, Славгородском и Бийском округах способствовал утке туда хлеба из соседних, в которых был собран сравнительно хороший урожай. Часть зерна из юго-западных округов края уходила в Казахстан, где сложился более высокий уровень закупочных цен²⁸. Меньшими, чем предполагали эксперты, оказались остатки урожая прошлых лет. Ошибка в оценке так называемых невидимых хлебных запасов в крестьянских хозяйствах была допущена и в масштабах всей страны. Накануне кампании их объем определялся почти в 900 млн пудов, а подсчеты после ее окончания снизили такие до 529 млн пудов²⁹.

Однако причины неудовлетворительного хода централизованного хлебозакупа не сводились лишь только к плохой погоде и даже ошибкам в планировании. Заготовительный план на год, безусловно, оказался преувеличенным. Тем не менее недорода в стране в целом и Сибири в частности не было. Урожай зерновых был вполне удовлетворительным. Но крестьяне задерживали продажу значительной части произведенного ими зерна, увеличивая его внутривоспроизводственные запасы и потребление. Полномочное представительство ОГПУ по Сибирскому краю в докладной записке, в которой анализировалась ситуация в деревне на конец ноября 1927 г., в связи с этим сообщало: *«Крестьянство всех округов Сибири воздерживается от продажи хлеба»*³⁰. Таким образом, осенью 1927 г. началась третья за годы нэпа широкомасштабная крестьянская «хлебная стачка».

Резкому снижению объемов реализации жителями деревни хлеба способствовал ряд конъюнктурных и общехозяйственных особенностей 1927/28 г. Соотношение цен на сельскохозяйственную продукцию изменилось в пользу продуктов животноводства. Если в январе–марте 1926 г., по всесоюзному оптовому индексу ЦСУ, цены на мясо и сало составляли 83,4% от зерновых цен, на сельхозсырье – 94,4%, то в январе–марте 1927 г. – уже соответственно 115,6 и 110,9%³¹. В результате уже во время весеннего сева 1927 г. крестьяне предпочли расширить посевы основной кормовой культуры – овса – за счет наиболее

дешевой зерновой культуры – ржи. В Сибири площади, занятые овсом, в 1927 г. увеличились на 21,6% (см.: прилож., табл. I).

Осенью 1927 г. в условиях дефицита сырья на перерабатывающих предприятиях заготовители технических культур повысили на них цены. Это привело к существенному росту объемов предложения. В результате закупки растительного волокна в Сибири за период с 1 октября по 21 декабря 1927 г. по сравнению с тем же периодом 1926 г. выросли (в стоимостном выражении) на 53%³².

Зимой активизировалась сдача крестьянами животноводческой продукции. Существенное увеличение предложения на сибирском рынке мясопродуктов в 1927 г. вызывалось обострением кормового кризиса. Сельские жители забивали скот, который они не могли прокормить. Однако спрос на мясо увеличился еще больше. В 1927/28 г. Сибирь впервые была включена в общесоюзный план централизованного мясозакупа, а краевые заготовители получили для его проведения значительные финансовые средства, которых они раньше не имели. В этих условиях цены на животноводческую продукцию продолжали расти. Ее индекс составлял в июле, августе, сентябре и октябре соответственно 151,2; 160,2; 181,4; 186,9, тогда как хлебный индекс в те же месяцы изменялся следующим образом: 112,6; 121,7; 115,8; 110,6. Индекс мясопродукции в октябре–декабре 1927 г. составлял 172,6, а зерновых культур – 109,4³³.

Реализация животноводческой продукции в Сибири оказалась настолько выгодной, что в ряде районов фактически возникло ажиотажное предложение. Так, прирост заготовок мясной продукции по основным хлебопроизводящим округам Западной Сибири (Рубцовскому, Омскому и Славгородскому) составлял 400–450%. Закупки мяса плановыми заготовителями в целом по краю в ноябре и декабре 1927 г. превышали результаты тех же месяцев 1926 г. в 1,5 и 1,7 раза соответственно. Кожсырья в крае за ноябрь–декабрь 1927 г. было приобретено на 53% больше, чем за тот же период прошлого года, шерсти – на 120%³⁴.

Кроме того, сибирские крестьяне продали большое количество лесопроductии, в частности кедровых орехов, год на которые оказался исключительно урожайным. Прирост закупок пушнины в регионе в I квартале 1927/28 хозяйственного года, по сравнению с I кварталом 1926/27 г. составил 82%³⁵.

Денег деревня получала уже столько, что нужда в реализации хлеба у крестьян практически отсутствовала. Зерно во все больших объемах скармливалось скоту, в силу большей доходности его выращивания. В результате удельный вес сибирского хлеба в общей стоимости реали-

зованной в октябре–декабре 1927 г. сельхозпродукции (по сравнению с тем же периодом 1926 г.) уменьшился с 66,3 до 41,9%, в то время как доля мяса выросла с 12,3 до 24,2% (в Славгородском округе – с 7,0 до 39,6%, Омском – с 6,0 до 39,8%, Бийском – с 15,7 до 43,9%, Красноярском – с 34,0 до 79,0%, в Барнаульском округе – с 12,5 до 81,6%)³⁶.

Много хлеба по-прежнему отвлекалось на самогон. В циркуляре Сибкрайисполкома от 7 января 1928 г. указывалось на то, что *«при существующем соотношении цен на хлеб и самогон многие крестьяне считают более выгодным самогонование на продажу, вместо сдачи хлеба государству»*. По данным Сибадмогдела за 1927 г., на самодельное зелье в крае было израсходовано 8 млн пудов хлеба³⁷. Особенно значительные масштабы данный промысел приобрел в деревнях, расположенных вблизи городов, которые являлись наиболее емкими рынками сбыта. Так, для многих жителей сельсоветов, находящихся рядом с Новосибирском, продажа самогона горожанам была основным источником дохода. О размерах его производства можно судить по тому факту, что в пос. Ново-Каменском в яме с брагой утонула корова³⁸.

Денег, получаемых крестьянами от продажи продуктов животноводства, технических культур, лесопродукции, самогона и пр., было вполне достаточно для уплаты ими той суммы сельскохозяйственного налога, которая приходилась на первую половину окладного года. При этом размеры налога в 1927/28 г. по Сибирскому краю по сравнению с 1926/27 г. несколько снизились (на 2%)³⁹. В результате сельхозналог осенью и в начале зимы 1927/28 г. потерял роль стимула для реализации хлебопродуктов.

Но даже те деньги, которые сельские жители зарабатывали, они не могли истратить. В стране вновь обострился товарный голод. Платежеспособный спрос сельского и городского населения в целом по СССР увеличился за июль–декабрь 1927 г. на 475 млн руб. А стоимость произведенной промтоварной массы выросла в розничных ценах всего лишь на 122 млн руб.⁴⁰ Последняя цифра могла быть существенно большей, если бы не проводимое в соответствии с постановлением февральского (1927 г.) пленума ЦК ВКП(б) 10%-ное снижение розничных цен⁴¹. Положение осложнялось еще тем, что в заготовительную кампанию кооперативные и государственные торговые организации вступали практически без каких-либо запасов промтоваров, съеденных «предвоенным» спросом.

Особенно плохо промышленными товарами снабжалась Сибирь. Товарные запасы в регионе на 1 октября 1927 г., по свидетельству Р.И. Эйхе, составляли менее трети от товарных запасов начала октября

1926 г. Потребности края в текстильных товарах удовлетворялись на 62% (в том числе в шерстяных тканях на 17%), в кожтоварах – на 40%, в чае – на 37%, в кровельном железе – на 34%. Причем завоз ряда дефицитных товаров не только не увеличивался, но даже снижался. Так, в сентябре в Сибирь поступило 187 вагонов хлопчатобумажных тканей, в октябре – 176, в ноябре – 157 вагонов. При этом большая часть поступающих товаров оседала в городе, а степень удовлетворения деревни в них была еще меньшей⁴². Невозможность купить на имеющиеся деньги промышленные товары создавала у крестьян стойкую убежденность в неустойчивости червонца и необходимости увеличения натуральных запасов, в первую очередь зерна – продукта длительного хранения.

Дополнительным стимулом к созданию хлебных запасов явились и продолжающиеся распространяться слухи о скором начале войны. По информации ПП ОГПУ, некоторые крестьяне, задерживая хлеб, говорили: *«Скоро будет война, а поэтому хлеб нужно поберечь, так как потом можно самим насидеться без хлеба»*⁴³.

Но самой главной причиной неудовлетворительного хода заготовок были низкие, не соответствующие конъюнктуре государственные закупочные цены. На это, в частности, указывалось в бюллетене ЭКО ПП ОГПУ по Сибирскому краю от 13 декабря 1927 г.⁴⁴ В сводке о политических настроениях деревни, составленной Минусинским окрисполкомом уже в январе 1928 г., говорилось о том, что *«в крестьянстве до сих пор бродит надежда на повышение хлебных цен, что является одной из причин слабого хода заготовок. В Ермаковском р[айо]не в нескольких селах крестьяне говорят: "Хлеб сейчас мы вам не повезем продавать, уплатим [налог] другими деньгами, а когда хлеб подорожает, тогда повезем"»*⁴⁵.

В создавшихся условиях единственно возможным экономическим стимулом активизации предложения зерна могло быть повышение цен на него. Однако как центральные, так и местные органы этот путь усиления хлебозакупа категорически отвергали. В конце ноября на совещании основных заготовителей при Сибкрайторготделе представитель последнего заявил: *«Какого-либо повышения цен быть не может»*. В ходе XV съезда ВКП(б) А.И. Рыков, собравший руководителей хлебопроизводящих районов, запретил им не только говорить, но и думать о увеличении закупочных цен. В постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 декабря 1927 г. был включен пункт, гласящий: *«Считать недопустимым повышение хлебных цен и воспретить постановку этого вопроса в печати, советских и партийных органах»*⁴⁶.

Более того, против всякой логики, цены в ряде хлебопроизводящих регионов не только не увеличивались, но имели тенденцию к снижению. В Сибири в октябре один пуд пшеницы в среднем закупался государственными и кооперативными заготовителями за 89 коп., в ноябре – за 88 коп., в декабре – за 86 коп. Особенно резко снизились цены на пшеницу в северо-восточных округах – с 96 коп. за пуд в октябре до 82 коп. за пуд в ноябре и декабре (табл. 21). Результатом подобного падения стал полный провал централизованных хлебозаготовок именно в этих округах.

Т а б л и ц а 2 1

Среднемесячные закупочные цены на хлеб основных государственных и кооперативных заготовительских организаций в Сибири в 1927/28 г. (коп. за пуд)

Месяц	По юго-западным округам		По северо-восточным округам		По Сибири в целом	
	пшеница	рожь	пшеница	рожь	пшеница	рожь
1927 г.						
Сентябрь	нет сведений		нет сведений		89	58
Октябрь	89	55	96	56	89	56
Ноябрь	89	55	82	56	88	56
Декабрь	87	55	82	55	86	55
1928 г.						
Январь	86	54	79	56	85	55
Февраль	86	55	79	56	84	55
Март	87	54	79	56	85	55
Апрель	86	55	79	56	84	56
Май	86	54	80	55	84	55
Июнь	86	54	79	56	84	56
Июль	86	53	82	56	85	56
Август	97	60	89	63	95	62

Источники: Бюллетень рынка и цен Сибирского края. 1927. № 20. С. 23; № 21. С. 23; 1928. № 22. С. 23; № 23. С. 23; № 24. С. 23; № 25. С. 23; № 26. С. 23; № 27. С. 23; № 28. С. 23; № 29. С. 23; № 30. С. 23.

Причины подобного парадокса заключались в следующем. Наркомторг СССР ввел на кампанию 1927/28 г. новую систему увеличения или снижения закупочной цены на зерно в зависимости от его кондиций. Вследствие более низкого качества сибирского хлеба урожая 1927 г. новая система вела к фактическому снижению цен на него.

Кроме того, она была настолько сложной и непонятной для крестьян, что воспринималась ими как очередная махинация государственных и кооперативных заготовителей. Последние с тем, чтобы не ухудшить и без того неудовлетворительный ход хлебозаготовок, не торопились применять в своей работе вышеуказанное нововведение. Среднезаготовительная цена одного пуда пшеницы в октябре составляла 89 коп. при директивной в 85 коп. В ответ на это заведующий Сибкрайторготделом отправил на места циркуляр, категорически требующий снижения закупочных цен до директивного уровня⁴⁷. Несмотря на радикально изменившуюся конъюнктуру хлебного рынка, закупочные цены на зерно осенью и в начале зимы 1927 г. оказались даже несколько ниже, чем в тот же период 1926 г. (см. табл. 21).

Контроль за соблюдением директивных цен в кампанию 1927/28 г. был ужесточен. На местах создавались комиссии для обследования сыпных пунктов на предмет нарушения согласительных цен. Виновные незамедлительно наказывались. За первое нарушение сыпной пункт штрафовался на 100 руб. За второе – штраф увеличивался до 500 руб. с увольнением работника, допустившего превышение цен. За третье – штраф в том же размере и вынесение выговора с предупреждением заведующему пунктом. За четвертое – временное закрытие сыпного пункта и увольнение заведующего. Заведующий увольнялся и раньше, если устанавливалось, что он лично отдал указание о повышении цен. Несоблюдение установленных правил покупки крестьянского хлеба (повышения или понижения его сортности, заготовка за пределами отведенного района или через контрагентов) наказывалось аналогичным образом⁴⁸.

Репрессии против низовой заготовительной сети приобрели в первую половину кампании столь значительные масштабы, что Наркомторг РСФСР вынужден был даже осадить активность местных органов. В своем циркуляре от 14 октября наркомат указал на то, что закрытие сыпных пунктов возможно лишь в крайних случаях⁴⁹. Работники низового заготаппарата были настолько запуганы, что всякая коммерческая деятельность с их стороны прекратилась, и из «советских купцов» они превратились в простых приемщиков хлеба.

Крестьяне к подобной ситуации психологически готовы не были. Во все времена мелкий товаропроизводитель предпочитал поторговаться за свою продукцию. Ничего подобного на сыпных пунктах не допускалось, и крестьянин, минуя по мере возможности государственных заготовителей, вывозил свое зерно непосредственно на городской базар. Несмотря на то, что крупные частные торговцы оттуда были изгнаны, покупателей на крестьянский хлеб хватало. На рынке работав-

ло множество мелких частных скупщиков, удовлетворяющих местный спрос. Повышенный спрос на хлеб предъявляли мелкие частные мельницы. Наконец, из-за перебоев в централизованном снабжении муку и зерно непосредственно на базарах в больших количествах закупали сами городские жители. Реакцией на повышенный городской спрос стало увеличение разницы между рыночными ценами и ценами, предлагаемыми государственными и кооперативными заготовительными организациями. В среднем по Сибири эта разница в декабре 1926 г. составляла по пшенице 9%, по ржи – 1%, а в начале декабря 1927 г. уже по 24% по той и другой культуре (см. табл. 13, 22). Продажа зерна, таким образом, на базаре становилась для крестьян все более выгодной.

Т а б л и ц а 22

Рыночные цены на хлеб в Сибирском крае в 1927/28 г. (коп. за пуд)

Месяц	По юго-западным округам		По северо-восточным округам		По Сибири в целом	
	пшеница	рожь	пшеница	рожь	пшеница	рожь
1927 г.						
1.09	126	80	112	70	121	75
1.10	115	74	97	67	108	71
1.11	115	73	95	67	108	70
1.12	115	72	94	64	107	68
1928 г.						
1.01	116	74	96	63	109	69
1.02	113	74	95	63	106	69
1.03	116	80	95	66	108	73
1.04	116	81	98	66	109	74
1.05	136	86	105	71	125	79
1.06	162	105	116	71	145	89
1.07	170	112	126	88	154	101

Источники: Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1927. № 23. С. 43; № 24. С. 31; 1928. № 1–2. С. 51; № 7–8. С. 70–71; № 9. С. 36; № 13–14. С. 38; № 15–16. С. 55.

Значительная недозаготовка зерна в Сибири и большинстве производящих регионов европейской части СССР не могла не сказаться на снабжении потребляющей полосы. Все резервы были практически исчерпаны, перебои в снабжении хлебом распространялись на все новые и новые районы. Перед хлебными лабазами большинства горо-

дов выстаивались длинные очереди. Ситуация осложнялась столь быстро, что уже в начале второй декады декабря (напомним, что в интервью в газете «Экономическая жизнь» 3 декабря 1927 г. нарком торговли СССР А.И. Микоян был настроен весьма оптимистично) она была оценена как критическая. А.И. Рыков в своем выступлении на XV съезде ВКП(б) назвал положение, сложившееся в сфере хлебозаготовок, кризисом.

Проанализировав в связи с этим сложившуюся хозяйственную конъюнктуру, председатель СНК РСФСР и СССР в качестве главных факторов, вызвавших заготовительные трудности, назвал превышение платежеспособного спроса, предъявленного крестьянством, над предложением необходимых ему промтоваров и сдерживающее стимулы к реализации хлеба на рынке соотношение цен на зерно, с одной стороны, и продукты животноводства и технические культуры – с другой. Что же касается особой деструктивной роли в хлебозаготовках кулачества и необходимости применения к нему чрезвычайных административных мер, то об этом ни в докладе А.И. Рыкова, ни в выступлениях других лидеров партии и государства (включая и И.В. Сталина) не было и речи. В качестве метода, вполне достаточного для разрешения заготовительного кризиса, на XV съезде была определена усиленная заброска промтоваров на сельский рынок за счет оголения городского.

А.И. Рыков в этой связи весьма оптимистично заявлял: *«Напряженное положение с хлебозаготовками может и должно быть исправлено, ибо, во-первых, крестьянство уже израсходовало довольно значительную часть средств, полученных от отхожих промыслов и реализации технических культур, и, во-вторых, мы приняли меры к увеличению предложения товаров деревне путем расширения производства хлопчатобумажных, шерстяных тканей и ряда других товаров»⁵⁰.*

Большая часть произведенной продукции (до 60%) должна была поступать в сельскую местность⁵¹. С целью активизации предложения хлеба местные власти обязывались ускорить взимание с крестьянства сельскохозяйственного налога и иных платежей – обязательного окладного страхования, процентов по кредитам и ссудам, паевых взносов в кооперацию. В соответствии с решением Политбюро от 30 ноября⁵² был выпущен и усиленно продвигался в деревню специальный крестьянский заем. Кроме того, к делу форсирования хлебозаготовок подключались партийные органы, перед которыми ЦК ВКП(б) в своей директиве от 14 декабря поставил задачу «в срочном порядке» добиться резкого перелома в заготовках, приняв *«организационные*

мероприятия сверху донизу, направленные на усиление завоза хлеба со стороны крестьянства»⁵³.

Исходя из директив Центра активизировали свою работу по руководству хлебозаготовками краевые сибирские власти. В соответствии с их указаниями партийные, советские и соответствующие хозяйственные органы как в Новосибирске, так и на местах должны были поставить вопросы заготовки хлеба в центр своей организационной деятельности. Окрисполкомы обязывались добиться решительного перелома в ходе хлебозакупа и принять все меры к выполнению его планов. Им же было предложено установить для каждого сельского района, а также для каждого потребительского общества и сельскохозяйственного кооператива твердое задание по сбору зерна на январь–март 1928 г., обеспечивающее выполнение окружной заготовительной программы к 1 апреля в размерах не менее 80% годовой. Коопцентры оформляли данные твердые задания низовым кооперативам в виде специальных договоров, предусматривающих в случае невыполнения выплату неустойки в повышенном размере. Принимались меры по усилению товароснабжения зернопроизводящих округов за счет городов и не хлебных районов. Распределение товаров по округам и районам должно было осуществляться в зависимости от выполнения заготовительных заданий, а продажа остродефицитных товаров на местах проводиться в первую очередь сдатчикам хлеба⁵⁴.

Однако принятые для усиления заготовок меры оказались неэффективными. Промтоваров в Сибири по-прежнему не хватало. Денег у крестьян для выплаты сельхозналога и иных платежей было достаточно, и они не только не увеличили, но даже уменьшили реализацию зерна. Централизованный хлебозакуп в крае во второй декаде декабря снизился на 8%, а в третьей декаде – на 14%⁵⁵. Аналогичная ситуация складывалась и в большинстве производящих районов европейской части СССР.

24 декабря, в соответствии с решением Политбюро, всем партийным организациям страны была направлена директива ЦК ВКП(б), в которой констатировалось, что *«слабый ход хлебозаготовок не только срывает хлебозаготовительный и экспортный планы, но и создает непосредственную угрозу снабжения промышленных центров с перспективой голода в Москве и Ленинграде, что ставит нас перед необходимостью импорта заграничного хлеба со всеми вытекающими отсюда последствиями»*. ЦК предложил в связи с этим добиться *«решительного перелома на хлебном рынке в ближайшее же время»*, поставив эту задачу в центр внимания всей партийной и советской работы. Перелома предлагалось добиться за счет ранее предложенных

мероприятий: увеличения товароснабжения деревни, квота которой повышалась до 70–80% всех имеющихся промтоварных запасов, усиления сбора задолженностей по сельхозналогу и иным платежам, ускорению их сбора, увеличению размеров паевых взносов в кооперацию и т.п. Для контроля за выполнением партийно-правительственных директив на места отправлялись уполномоченные ЦК и СТО, которым предоставлялось *«право отмены решений местных партийных и советских органов, противоречащих директивам ЦК в области хлебозаготовок, и право дачи соответствующих распоряжений, обязательных для местных партийных и советских органов»*⁵⁶. В Сибирь в качестве уполномоченного Центра прибыл секретарь ВЦСПС А.И. Догадов.

Собравшееся после получения директивы ЦК бюро Сибкрайкома ВКП(б), отметив продолжающееся снижение темпа заготовок по краю, решило *«поставить центральной задачей на ближайшее время руководство хлебозаготовительной кампанией и установить в дальнейшем оценку работы всех парторганизаций в зависимости от результатов хода хлебозаготовок»*⁵⁷. Для увеличения размеров закупок предлагалось срочно провести ряд мероприятий преимущественно административного характера. С целью форсирования налоговой кампании переносились обязательные сроки сдачи сельхозналога: третий срок (85% от годового задания) – с 1 февраля на 15 января; четвертый, последний срок (100%) – с 1 апреля на 15 февраля. Срок уплаты страховых платежей переносился с 31 на 15 января. С 5 до 10 руб. увеличивались паевые взносы в сельской потребкооперации, при этом дефицитные товары отпускались только тем членам кооперативов, которые полностью внесли паевой взнос. Сибсельбанк и сельхозкооперация обязывались *«резко»* сократить план кредитования деревни, одновременно усилив взыскание задолженностей по кредитам. Недоимщики по всем видам платежей в срочном порядке должны были привлекаться к административной и судебной ответственности.

Репрессии следовало обрушить и на самогонщиков. В соответствии с постановлением ВЦИК от 27 декабря 1927 г. наказание за тайное винокурение увеличилось (с двух недель принудительных работ или штрафа в 25 руб. до месяца принудительных работ или штрафа в 100 руб.). Причем наказание теперь следовало и за производство самогона для личного употребления, а не только за производство с целью сбыта, как это было ранее⁵⁸.

В директивном порядке снижались (от 5 до 15% в зависимости от округа)⁵⁹ закупочные цены на мясо государственных и кооперативных заготовителей. Одновременно существенно ограничивалось финанси-

рование их торгово-закупочных операций. В связи с возможностью после снижения государственных мясных цен расширения частных заготовок соответствующим органам управления железными дорогами поручалось ввести запрет на перевозку частной мясной продукции. С целью увеличения объемов вывоза зерна из Сибири принималось решение о 30%-ном сокращении плана снабжения городского населения региона⁶⁰.

Несмотря на принимаемые меры, продовольственное положение в стране продолжало ухудшаться. Начало января принесло дальнейшее снижение объемов централизованного хлебозакупа. В Сибирском крае в первую декаду месяца хлеба было закуплено на 21% меньше, чем за третью декаду декабря⁶¹. Необходимо было принимать срочные меры по преодолению заготовительного кризиса. Повышение цен как мера стимулирования крестьянского предложения категорически отвергалось. Закупки за границей зерна и промтоваров требовали времени и к тому же осложняли выполнение индустриальной программы, которой руководители советского государства на сей раз (в отличие от 1925/26 г.) поступаться не желали. В этих условиях начался лихорадочный поиск выхода из создавшегося положения. Содержание директив из Центра становилось все более радикальным, и их тон – все более жестким.

4 января 1928 г. из ОГПУ в адрес его региональных представительств была направлена телеграмма, с распоряжением «немедленно» проинформировать аресты наиболее крупных частных хлебозаготовителей и наиболее «злостных» хлеботорговцев, не соблюдающих конвенционных заготовительных и сбытовых цен, а также нарушающих порядок «экономрегулирования» на транспорте и другие правила торговли. Следствие по их делам нужно было провести «быстро, доказательно»⁶².

6 января И.В. Сталин направляет республиканским, краевым, губернским и окружным парткомам утвержденную Политбюро ЦК ВКП(б) директиву («совершенно исключительную как по своему тону, так и по требованиям»)⁶³. В ней заявлялось, что требования циркуляров ЦК от 14 и 24 декабря не реализованы, «перелом» в заготовках не наступил, «темп работы местных организаций недопустимо медленный, спячка еще продолжается, низовой аппарат еще не раскочерялся, кооперация не выполняет своих элементарных обязанностей, промтоварная масса не поставлена на службу хлебозаготовок», денежные платежи, срок уплаты которых уже истек, все еще не взысканы. В связи с этим партийным комитетам на местах предлагалось в течение

недели со дня получения данной директивы исправить ситуацию. В первую очередь им надлежало:

«1. Принять к твердому исполнению годовое и месячные задания Наркомторга на хлебозаготовки<...>.

2. Все наряды Наркомторга СССР об отгрузке хлеба выполнять в строжайшей точности и в срок.

3. Принять к исполнению все прежние директивы ЦК в отношении изъятия денежных накоплений из деревни; установить максимально ускоренные сроки всех платежей крестьянства казне по налогам, страхованию, семсудам; не допускать отсрочек по ссудным обязательствам кредитной системе и организовать сбор авансов под поступающие промтовары и сельскохозяйственные машины; добиваться досрочных взносов всех платежей, одновременно развернув кампанию по распространению крестьянского займа и сборов кооперативных паев; срочно установить дополнительные местные сборы на основе законов о самообложении (см. ниже).

4. При взыскании недоимок по всякого рода платежам применять немедленно жесткие кары, в первую очередь, в отношении кулачества. Особые репрессивные меры необходимы в отношении кулаков и спекулянтов, срывающих с[ельско]х[озяйственные] цены.

5. Мобилизовать немедленно все лучшие силы партии, включая членов бюро губкомов, окр[уж]комов и райкомов, а также президиумов исполкомов на предмет всемерного усиления хлебозаготовок и оставить их на месте заготовок до решительного перелома.

6. Установить личную ответственность руководителей партийных, советских и кооперативных организаций за выполнение возложенных на них заданий по заготовкам, немедленно отстраняя тех из них, которые не проявляют способностей и умения добиться успеха хлебозаготовок».

В заключение директивы парткомы предупреждались о том, что «промедление» в ее исполнении «и недостижение в недельный срок реальных успехов в смысле решительного перелома в хлебозаготовках может поставить ЦК перед необходимостью замены нынешних руководителей партийной организации»⁶⁴.

После получения угрозы со стороны генерального секретаря ЦК ВКП(б) деятельность сибирского руководства в сфере заготовок резко активизировалась. 11 января президиум Сибкрайисполкома, в соответствии с принятым за день до этого решением бюро Сибкрайкома, образовал краевую «хлебную тройку» в составе первого секретаря крайкома С.И. Сырцова, председателя крайисполкома Р.И. Эйхе и заведу-

ющего крайторготделом А.Н. Злобина⁶⁵. Решения «тройки» передавались окружкомам как решения Сибкрайкома ВКП(б) и вступали в силу автоматически. В течение января подобные «тройки» возникли в округах и районах. В округа в срочном порядке в качестве уполномоченных командировались ответственные работники из краевых, партийных, советских и хозяйственных органов. Из окружных центров уполномоченные направлялись в районы, из районных центров непосредственно в деревни.

Начались активные поиски и наказание виновных в продолжающихся заготовительных трудностях. Одними из первых под удар попали работники государственных и кооперативных заготовительных организаций. Многие из них были уволены и привлечены к судебной ответственности по ст. 105 УК РСФСР за нарушение правил торговли, конкуренцию, превышение директивного уровня цен⁶⁶. Результатом нажима на заготовителей в январе 1928 г. стало снижение среднемесячной государственной закупочной цены на пшеницу в целом по Сибири на 1 коп., а в северо-восточных округах края – на 3 коп. за пуд (см. табл. 22). Естественно, подобная мера улучшить хлебозакуп не могла.

Объектом репрессий стали также мелкие скупщики зерна и владельцы мельниц. Краевая «хлебная тройка» на своем втором заседании 13 января поручила крайпрокуратуре и ПП ОГПУ по Сибирскому краю *«проработать конкретные мероприятия и дать указания местам по борьбе с держателями крупных запасов хлеба (мельники, скупщики хлеба и т.д.)»*⁶⁷. Результатом этой проработки стал разосланный в тот же день циркуляр, предписывающий всем окружным прокурорам и начальникам окружных отделов ГПУ *«при установлении случаев злостной, т.е. систематической, широкой и т.п. скупки хлеба в зерне или муке в значительных количествах с целью его сокрытия или невыпуска на рынок частными лицами, мельниками, торговцами, скупщиками, носящий характер ажиотажа, возбуждать против виновных преследование по 1 или 2 ч.ч. 107 ст. УК»*⁶⁸. Данные уголовные дела должны были рассматриваться немедленно, вне всякой очереди с наложением сразу же после их возбуждения ареста на весь имеющийся у обвиняемых хлеб⁶⁹.

Одновременно усиливался административный нажим на крестьян, не вносящих в срок обязательных платежей и, прежде всего, сельхозналога. В рамках усиления нажима на недоимщиков окружные исполкомы края, по требованию краевых властей⁷⁰, пошли на существенное ускорение процедуры изъятия имущества в счет погашения недоимки. Так, в начале января 1928 г. Барнаульским окрисполкомом

было указано на необходимость в течение суток после невыполнения срочного задания производить опись имущества, в первую очередь запасов хлеба. Описанное имущество арестовывалось или немедленно изымалось для хранения. Право утверждения описи, которое следовало произвести в течение суток, помимо райисполкомов получали их члены, а также уполномоченные. Продажу описанного имущества надлежало осуществить в течение суток после утверждения описи. Таким образом, процедура описи и продажи с торгов должна была завершиться за трое суток. Ранее она занимала значительно более длительное время. Лица, «систематически» уклоняющиеся от своевременной уплаты налога, привлекались к суду, рассмотрение их дел производилось вне всякой очереди и без производства предварительного следствия⁷¹. До середины мая в целом по краю по ст. 60 УК РСФСР, предусматривающей наказание за «неплатеж в установленный срок налогов и сборов», было возбуждено 2663 дела⁷².

Дав команду на применение репрессий против недоимщиков, мелких скупщиков и работников заготовительных организаций, руководители Сибири, судя по всему, прекрасно осознавали паллиативность этих мер. Многие партийные и советские функционеры региона считали, что заготовительный кризис можно преодолеть, лишь применив силу против зажиточных крестьян, а в ряде мест начали ее применять. Так, секретарь Новосибирского окружкома ВКП(б), отчитываясь «об усилении работы по хлебозаготовкам» с 12 по 16 января, информировал крайком, что *«в отношении крупных держателей хлеба – кулаков начинают местами применяться и такие меры понуждения, как персональный нажим, отобрание подписок о добровольной продаже хлеба»*⁷³.

Однако масштабы давления на зажиточное крестьянство сдерживались отсутствием соответствующей законодательной базы, а также опасениями быть обвиненными в проведении антинэповской, а следовательно, антипартийной линии. С.И. Сырцов в своем выступлении на мартовском (1928 г.) пленуме Сибкрайкома ВКП(б), ретроспективно воспроизводя ситуацию начала января, говорил: *«Такое мероприятие, как необходимость удара по кулаку, было ясно для нас с самого начала. Имея цифры и утя целый ряд фактов саботажа кулаков, мы считали необходимым поставить вопрос о том – каким образом мы можем сдвинуть это дело»*⁷⁴. Способ решения данного вопроса предложил краевой прокурор, 9 января направив в крайком записку, в которой указал на необходимость привлечения к уголовной ответственности *«держателей крупных запасов хлеба и его скупщиков из числа особо зажиточных слоев деревни»*, «пропуская» возбужденные против них дела («для ускорения») через органы ОГПУ⁷⁵. Руководители

Сибкрайкома, не осмелившись принять самостоятельное решение по этому поводу, в посланной в тот же день телеграмме поставили вопрос о возможности реализации предложения прокуратуры перед Центром⁷⁶.

Конкретного ответа они не получили, но фактическая санкция на развязывание антикрестьянских репрессий была дана в утвержденной 14 января Политбюро и подписанной И.В. Сталиным циркулярной телеграмме ЦК ВКП(б)⁷⁷. В ней без всяких обиняков заявлялось следующее: *«Немалую роль [в неудовлетворительном ходе заготовок] сыграло то обстоятельство, что частник и кулак использовали благодущие и медлительность наших организаций, прорвали фронт на хлебном рынке, подняли цены и создали у крестьян выжидательное настроение, что еще более парализовало хлебозаготовки. Многие из коммунистов думают, что нельзя трогать скупщика и кулака, т.к. это может отпугнуть от нас середняка. Это самая гнилая мысль из всех гнилых мыслей, имеющих в головах некоторых коммунистов. Дело обстоит как раз наоборот. Чтобы восстановить нашу политику цен и добиться серьезного перелома, надо сейчас же ударить по скупщику и кулаку, надо арестовывать спекулянтов, кулачков и прочих дезорганизаторов рынка»*. Таким образом, ЦК ВКП(б) 14 января определил в качестве одного из главных виновников хлебного кризиса деревенского кулака и потребовал от местных органов срочного проведения по отношению к нему репрессивных мер.

Помимо вышеизложенного в телеграмме ЦК подчеркивалась особая роль Сибири в хлебозаготовках и сообщалось о выезде в регион И.В. Сталина. Заканчивалась телеграмма следующей фразой: *«Хлебозаготовки представляют, таким образом, крепость, которую мы должны взять во что бы то ни стало. И мы ее возьмем наверняка, если поведем работу по-большевистски, с большевистским нажимом»*.

Под влиянием указаний ЦК бюро Сибкрайкома ВКП(б) 17 января приняло решение о применении репрессий к кулачеству⁷⁸. В утвержденной на заседании бюро секретной директиве (№ 101/с), направленной в тот же день телеграфом в адрес Барнаульского, Бийского, Каменского, Новосибирского, Омского, Рубцовского и Славгородского окружкомов компартии⁷⁹, предлагалось: *«В целях преодоления сопротивления кулачества сдаче хлеба, ликвидации выжидательных настроений мощных слоев деревни, намеревающихся использовать хлебные затруднения для спекуляции, взвинчивания цен, укрепления своих позиций, предлагается в главных хлебозаготовительных районах, особенно там, где плохая заготовка, наметить несколько (4–10)*

заведомо явно кулацких хозяйств, злостных, враждебных соввласти, располагающих большими запасами хлеба, составленными в известной мере путем скупки, эксплуатации машин, укрытия объектов обложения и проч. [и] привлечь к ответственности как злостных спекулянтов мясом, хлебом и проч. предметами [с] конфискацией хлеба». Провести данную операцию поручалось органам ОГПУ⁸⁰.

Однако сомнения в правомерности подобных чрезвычайных мер у сибирских властей все же оставались. Их развеял прибывший в Сибирь И.В. Сталин, который, в целом поддержав краевое руководство, указал на то, что производить аресты кулаков нужно не по линии ОГПУ, а в «законном порядке» на основании 107 ст. УК РСФСР, которая, по его мнению, вполне применима в данном случае, поскольку помимо прочего предусматривает наказание за «невывоз товаров на рынок»⁸¹. Позднее в связи с этим С.И. Сырцов вспоминал: *«Мы на свой страх и риск дали директиву о репрессиях против кулака в каждом заготовительном районе. Моя поездка в Барнаул, Рубцовку показала, что и ряд местных работников к этому склоняется. И мы дали директиву ОК, считая, что ее нельзя задерживать, хотя уже знали, что едет тов. Сталин. Отношение тов. Сталина к этой директиве показало, что существо нашей линии совпало с линией ЦК. Тов. Сталин значительно дополнил директиву, напомнив нам то, что не было нами учтено. Мы базировались только на аппарате ГПУ, рассчитывая на его точность, а тов. Сталин ввел корректив в сторону большего использования законности»⁸².*

Сталинский «корректив» был официально принят 18 января на заседании бюро Сибкрайкома ВКП(б), на котором присутствовал и выступил с речью И.В. Сталин. По словам участвующего в заседании председателя правления крайсельбанка С.И. Загуменного, Сталин аргументировал свое предложение воспользоваться ст. 107 в связи с необходимостью *«ударить по кулаку, ударить сильно, но ударить в то же время так, чтобы основной массе крестьянства была ясна законная причина ареста, конфискации имущества и прочих мер, кои мы к кулаку применим»⁸³*. Аргументы генерального секретаря ЦК были восприняты, и члены бюро приняли постановление, в котором предлагалось предусмотренные директивой № 101/с антикулацкие репрессии осуществлять *«в порядке 107 ст. УК»*, от имени прокуратуры, *«с широким опубликованием приговоров и решений в печати, через сельсоветы»⁸⁴*.

Санкционировав применение в Сибири ст. 107 УК РСФСР к зажиточным крестьянам, не только скупающим, но и задерживающим реализацию произведенного ими же зерна, И.В. Сталин сообщил об этом

в Центр и тем самым фактически распространил подобную практику на другие регионы страны⁸⁵. Однако новая трактовка статьи длительное время не сопровождалась официальными юридическими разъяснениями, что в условиях сложившейся политической конъюнктуры побуждало местные власти к ее граничащему с произволом предельно расширительному толкованию. Так, руководители судебных и карательных органов Сибирского края, исполняя решению бюро крайкома от 18 января, разослали на места циркуляр об особом порядке применения 107 статьи в отношении *«держателей особо крупных запасов хлеба»*: арест должен был *«обязательно сопровождаться конфискацией всех излишков хлеба, мяса и промтоваров»*, следствие надлежало завершить в суточный срок; для скорейшего рассмотрения дел проводить выездные сессии окружных судов; вести их заседания без участия обвинения и защиты, допуская исключение только для показательных процессов; *«ни в коем случае не допускать оправдательных или условных приговоров»*, а также удовлетворения кассационных жалоб⁸⁶.

Лишь позднее было определено, что базовым критерием для привлечения крестьянина к уголовной ответственности по ст. 107 должно стать превышение лимита допустимых запасов хлеба. В подписанной И.В. Сталиным 13 февраля директиве «Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии» указывалось, что к суду должны привлекаться крестьяне, имеющие «излишки» в 2000 пудов и более⁸⁷. Затем были приняты порегиональные лимиты. Для Сибири предельная цифра в 2000 пудов осталась неизменной⁸⁸. Но поскольку хозяйств с такими запасами было мало, то местные органы с установленными нормами «излишков» фактически не считались. Призывая к этому своих подчиненных, С.И. Сырцов заявил: *«Мы этих крупных держателей, как общее правило сейчас не имеем, и если бы мы приняли в голой форме, просто провели бы резолюцию ЦК, мы закрыли бы возможности дальнейшего применения 107 статьи <...> нет опасности в том, что организации будут применять 107-ую статью, не ограничивая себя рамками политбюровских 2000 пудов. Партийная организация сумеет ударить по действительному кулаку, хотя бы этот кулак располагает количеством пудов меньшим, чем указано в решениях ЦК. Важно не то, каким количеством пудов хлеба располагает кулак для срыва рынка, нашего плана, а важны те возможности, которыми он сможет оказать влияние на всю деревню. Если кулаку удалось разбазарить свои запасы – это не значит, что мы его не можем трахнуть 107 статьей»*⁸⁹.

Прибывший в Сибирь генеральный секретарь ЦК ВКП(б) находился в регионе около трех недель, помимо Новосибирска посетил Барна-

ул, Бийск, Рубцовск, Красноярск, Омск, где выступал на заседаниях бюро окружных комитетов партии и специальных совещаниях, на которые приглашались представители партийных, советских, правоохранительных и заготовительных органов из одноименных и соседних округов Сибири, а также Казахстана.

И.В. Сталин критиковал руководителей партийных и советских органов края за «веру» *«во всемогущество промтоваров в деле поднятия хлебозаготовок»*⁹⁰; обвинял работников суда и прокуратуры в том, что они не идут на применение чрезвычайных мер в отношении кулачества, поскольку *«живут у кулаков, состоят у кулаков в нахлебниках и, конечно, стараются жить в мире с кулаками»* и требовал их замены⁹¹; полемизировал с теми функционерами, которые высказывали опасения, что применение чрезвычайных мер может ухудшить социально-политическое положение в деревне⁹²; понуждал местные власти к принятию повышенных заготовительных заданий. Так, 25 января он разослал руководителям восьми сибирских округов телеграмму, в которой интересовался: *«Могу ли я сообщить Москве, что ваш округ не сдрейфит и готов выполнить честно план заготовок: ...»*. Далее сообщалась цифра нового существенно увеличенного плана хлебозаготовок⁹³. В телеграмме от 3 февраля Сталин пенял А.Н. Злобину в том, что разработанные крайторготделом планы на февраль *«отстают от темпов заготовок на местах»* и требовал от него «немедленного» их пересмотра. Естественно, что Злобин и другие руководители Сибири не осмелились «сдрейфить» и увеличили краевое заготовительное задание на месяц с 16,5 до 22 млн пудов⁹⁴.

И.В. Сталин основной причиной заготовительного кризиса называл позицию кулаков, утверждая, что они обладают значительными запасами хлеба (*«по 50—60 тыс. пудов на каждое хозяйство»*) и не желают его сдавать, ожидая повышения цен⁹⁵. Однако в действительности «хлебная стачка» в Сибири была не столько кулацкой, сколько средней, поскольку именно середняки являлись держателями большей части запасов хлеба. Согласно официальной статистики в их хозяйствах в начале кампании сосредоточивалось около трех четвертей товарного зерна, а в так называемых мелкокапиталистических – немногим более одной пятой⁹⁶.

Нам представляется, что и генсек, несмотря на его публичные утверждения, и сибирские лидеры прекрасно понимали, что главными «виновниками» хлебного кризиса являются не кулаки, а середняки, и, направляя удар против кулачества, метили в первую очередь в среднее крестьянство. Если судить по словам С.И. Загуменного, то участники «исторического» заседания бюро Сибкрайкома 18 января 1928 г. без

обиняков рассчитывали на «создание морального эффекта в массах середняка» и указывали на то, что «нажим на кулака заставит середняка повезти хлеб на рынок. Средняк скажет: «Вот это – власть. С ней шутить нельзя. Она требует исполнения своих законов»⁹⁷. Впрочем, иногда дело не ограничивалось лишь демонстрацией силы, а доходило до прямых антисередняцких репрессий. Так, «хлебная тройка» Кузнецкого округа дала указание районным властям о привлечении к уголовной ответственности по ст. 107 не только «кулаков», но и середняков (по два на район)⁹⁸.

Всего же в сибирской деревне до 29 февраля в порядке уголовного преследования по ст. 107 УК РСФСР арестовали 1131 чел. Кроме того, 123 сельских жителя было арестовано «за антисоветскую агитацию» и «противодействие властям», а 35 чел. – за укрытие объектов обложения, самогоноварение и должностные преступления⁹⁹. На 15 марта по ст. 107 в крае было осуждено 1044 чел., у которых конфисковали 680,7 тыс. пудов хлеба (в среднем 652 пуда на одно хозяйство), 45 домов, 68 амбаров, 78 мельниц и другое имущество вплоть до запрещенных к изъятию по действующему законодательству предметов домашнего обихода¹⁰⁰. К началу апреля, по неполным данным крайпрокуратуры, число лиц, привлеченных к судебной ответственности по данной статье, составляло 1617 чел.: 1227 из них было названо кулаками, 323 – середняками, 15 – бедняками, 52 – торговцами¹⁰¹.

Кроме применения ст. 107 и других статей Уголовного Кодекса местные органы осуществляли конфискацию хлеба вообще без всякого судебного решения, запрещали внутридеревенскую куплю-продажу зерна и других видов сельскохозяйственной продукции, закрывали базары, проводили массовые обыски с целью выявления излишков, организовывали заградотряды и т.п. Следует отметить, что подобного рода не санкционированные никем самоуправные действия сельских функционеров, затем квалифицированные как «перегибы», во многом провоцировались давлением на них со стороны окружного и краевого начальства. Невыполнение разверстанных на районы и села заготовительных заданий могло служить основанием для наказания сельских партийных и советских работников в административном порядке, снятия с работы, исключения из партии, привлечения к судебной ответственности по ст. 111 УК РСФСР как «пособников и попустителей»¹⁰².

Самоуправство местных властей официально осуждалось центральными и краевыми органами управления. С.И. Сырцов в направленной 31 января в адрес секретарей окружкомов, председателей окрисполкомов и краевых уполномоченных по хлебозаготовкам циркуляре, указал на то, что «директивы, данные в области тех или иных от-

ступлений от формального требования закона на местах, иногда понимаются, как отрицание законности вообще», и призвал к исправлению ситуации¹⁰³. В директиве ЦК ВКП(б) от 13 февраля предлагалось «решительно устранять перегибы и извращения в практике кампании по усилению хлебозаготовок, переходившие в отдельных случаях в применение продрозверсточных методов, как-то: разверстка сдачи хлеба по хозяйствам, заградительные отряды между отдельными районами и т.п.»¹⁰⁴. 24 февраля прокуратура РСФСР потребовала от прокурора Сибирского края отменить положения его совместного с крайсудом и ПП ОГПУ циркуляра от 19 января 1928 г. о порядке применения ст. 107 УК РСФСР (см. выше), которые предусматривали проведение процессов по данной статье без участия обвинения и защиты, недопущение вынесения оправдательных или условных приговоров и обязательное утверждение приговоров кассационными коллегиями¹⁰⁵.

Однако за допущенные «перегибы» местных партийно-советских работников наказывали гораздо реже и значительно мягче, чем за невыполнение заготовительных заданий. Например, краевая «хлебная тройка» решила снять секретаря Славгородского окружкома ВКП(б) с занимаемой должности за то, что округ занял последнее место по выполнению плана заготовок за январь, но в то же время ограничилась объявлением выговора окружкому и окрисполкому Кузнецкого округа, в котором «при проведении кампаний по хлебозаготовкам, самообложению, крестьянскому займу, взиманию всякой задолженности <...> имели место недопустимые извращения революционной законности»¹⁰⁶. В.М. Молотов на совещании в ЦК ВКП(б) 24 апреля 1928 г. заявил, что он не помнит «случая, чтобы ЦК привлек к ответственности хотя бы один местный орган» за расширительное применение ст. 107 УК РСФСР¹⁰⁷. Таким образом, невыполнение заготовительного задания расценивалось как значительно более недопустимое деяние, чем «извращения» законности. В.П. Данилов, анализируя механизм возникновения «перегибов» на местах, писал о неслучайности того, что именно в начале 1928 г. в обиход местных функционеров вошло выражение: «Лучше перегнуть, чем недогнуть!»¹⁰⁸.

Помимо «законных» и самоуправных репрессий в качестве меры для стимулирования заготовок использовалась пропагандистская работа деревни, масштабы которой существенно увеличились. В первую очередь власти пытались убедить сельских жителей в том, что успех хлебозаготовок, сбора налогов и мобилизации финансовых средств населения по крестьянскому займу позволит советской власти существенно расширить масштабы помощи крестьянству. Сдача кре-

стьянами зерна квалифицировалась как признак лояльности к существующему режиму, а задержка реализации объявлялась «контрреволюционным» поведением. Агитировали крестьян на сходах, всевозможных собраниях, в избах-читальнях, клубах, на дому. К этой работе привлекался весь деревенский актив, присланные в деревню уполномоченные, сельские специалисты, учителя и даже школьники. С недатчиками проводили собеседования в сельсоветах. При этом местные функционеры очень часто использовали в качестве мер «убеждения» угрозы оружием, избиения, несанкционированные обыски и аресты, лишение крестьян их законных прав, психологический нажим, превращающийся в издевательство.

Чтобы расколоть крестьянство, перетянуть менее состоятельную его часть на свою сторону, власти разжигали в деревне социальные конфликты. 26 января краевая «хлебная тройка», в заседании которой участвовал И.В. Сталин, приняла решение о передаче бедноте в форме семенной ссуды 25% конфискованного «кулацкого» хлеба¹⁰⁹. В январе–марте 1928 г. в Сибирском крае проведено свыше 12 тыс. бедняцких собраний, в которых приняло участие 382,6 тыс. селян¹¹⁰. На собраниях рассматривались проблемы, связанные с ходом хлебазаготовок и налоговой кампании, вопросы перераспределения земли в пользу бедняков и т.п. Политика раскола деревни имела частичный успех. С помощью бедноты и батраков были выявлены многие тайники хлеба их более зажиточных односельчан.

Применение ст. 107 УК только за хранение собственного зерна в сочетании с принявшими массовый характер «перегибами» произвело в деревне эффект разорвавшейся бомбы. Крестьянство в основной своей массе, испугавшись репрессий, повезло свой хлеб государственным и кооперативным заготовителям. Увеличение объемов заготовок началось уже со второй декады января. Но ожидаемый властями перелом наступил в конце месяца. В шестой пятидневке января было заготовлено 3,1 млн пудов хлебопродуктов, или почти в 2,5 раза больше, чем в пятой. В феврале заготовки достигли наивысшего размаха – 20,5 млн пудов (25% от годового плана и 186% от уровня февраля 1927 г.). Однако государство нуждалось в еще большем количестве хлеба, – выполнение месячного задания составило 93%. Удельный вес кооперации в февральских заготовках вырос до 86,4% при плановом уровне в 58,5%¹¹¹. Повышение роли кооперации объяснялось тем, что сельсоветы, на которые была возложена ответственность за успех хлебазаготовок, работали исключительно с находящимися на их территории низовыми кооперативами. Кроме того, промышленные товары,

которыми в первую очередь снабжались крестьяне, сдававшие зерно, в сельскую местность поступали только через кооперативную сеть.

Успешный ход централизованного хлебазакупа в феврале помимо угрозы репрессий определялся возросшим финансовым нажимом на деревню. При этом сельские жители должны были не только внести увеличенные паевые кооперативные взносы, досрочно выполнить обязательные налоговые платежи и погасить свои задолженности перед государством и кооперацией, но и в обязательном порядке выкупить облигации госзайма, планы подписки на который стали разверстываться на сельские Советы. Невыполнение данных планов могло стоить сельским функционерам наказания в служебном или партийном порядке (вплоть до снятия с работы и исключения из ВКП(б)). Последние понуждали крестьян к подписке посредством уговоров, угроз и насилия, произвели разверстку займа по дворам. Широкое распространение получила практика расплаты облигациями за сдаваемый крестьянами хлеб¹¹².

Значительные средства у селян изымались по самообложению, порядок которого радикально изменился. В предшествующий период законодательство допускало добровольное самообложение жителей сельских населенных пунктов, предназначенное для реализации их насущных, но не финансируемых государством нужд. Решение о сборе принималось на сходе большинством голосов. Однако принятое постановление не было обязательным для лиц, не принимавших участия в сходе или голосовавших против. Взносы чаще всего были уравнительными, раскладка проводилась по дворам, числу их трудоспособных членов, едокам¹¹³.

В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1928 г.¹¹⁴ принятое на сходе решение о его проведении становилось обязательным для всех жителей села. Неуплата преследовалась по налоговому законодательству. Размеры сбора для каждого плательщика привязывались к размерам ЕСХН, а его общая сумма по деревне в целом не должна была превышать 35% оклада сельхозналога текущего года¹¹⁵. Юридически сход мог и не принимать решение о самообложении. Однако местные органы были обязаны добиться его проведения во всех без исключения селениях. С этой целью им разрешалось созывать повторные сходы, которые обладали полной правомочностью *«при любом числе собравшихся»*. Обычный кворум составляла половина селян. В этой связи достаточно распространенными были случаи, когда решение о самообложении принималось на повторном собрании, которое созывалось сельсоветом через несколько часов после первого (либо отказавшегося от этого, либо несостоявшегося из-за неявки жи-

телей) схода и на котором присутствовало 10–15 чел.¹¹⁶ Еще раз сход назначался и тогда, когда жители деревни принимали недостаточную с точки зрения властей сумму обложения или нарушали «классовый принцип» его раскладки.

Крестьяне, чтобы расплатиться с государством и кооперацией, увеличили продажу зерна. Запасы технических культур и мясопродукции в их хозяйствах к этому времени были в основном исчерпаны. Кроме того, в конце января – начале февраля до сельского потребителя дошли дополнительно выделенные для региона значительные объемы промтоваров.

Февральский успех в Сибири вызвал головокружение у центральных планирующих органов. Наркомторг СССР обязал сибирских заготовителей закупить в марте 21 млн пудов хлебопродуктов, что даже несколько превышало рекордный результат предыдущего месяца. Краевые власти, считая, что более 12 млн пудов за месяц в регионе заготовить не удастся, тем не менее были вынуждены принять завышенное задание¹¹⁷. Чтобы выполнить его, бюро Сибкрайкома ВКП(б) 3 марта приняло решение об активизации сбора денежных средств в деревне в рамках самообложения и размещения займа, а также «дальнейшем применении» ст. 107 УК *«в том числе и к кулакам, имеющим менее 2000 п. хлеба»*¹¹⁸. 12 марта краевая «хлебная тройка» предложила окружкомам в основных хлебозаготовительных районах «дополнительно» организовать по два–четыре процесса по ст. 107, в случае необходимости распространяя ее действие *«и на тех явных кулаков, кои имеют не сданных хлебных излишков 500–700 пудов»*, а полномочный представитель ОГПУ, председатель крайсуда и крайпрокурор в своем циркуляре снизили допустимый минимум до 400 пудов¹¹⁹.

Несмотря на продолжающиеся антикрестьянские репрессии, мартовское задание Наркомторга в Сибири было выполнено только на 56%. Тем не менее результаты месяца оказались достаточно солидными. Объем централизованных заготовок составил 11,7 млн пудов. Столько хлеба в Сибири в период нэпа в марте еще не собирали. Превышение над бывшим до этого времени максимальным показателем марта 1927 г. составило 93% (см.: прилож., табл. II). В целом за январь–март 1928 г. государственные и кооперативные заготовители приобрели 41,3 млн пудов хлебопродуктов. Это составляло половину от годового плана и превышало объем заготовок первых четырех месяцев кампании в 1,6 раза. К 1 апреля годовой план в регионе был выполнен на 81%.

В апреле темпы заготовок резко снизились. Хлеба в крае собрали в 4,2 раза меньше, чем в марте. Установленное для Сибирского края

месячное задание в размере 7 млн пудов¹²⁰ было выполнено всего лишь на 39%. Падение объемов заготовок, помимо распутицы, объяснялось изъятием в ходе февральско-мартовских заготовок большей части товарных запасов зерна у зажиточных крестьян, которые в предыдущие годы составляли основной контингент апрельских продавцов хлеба.

К тому же в апреле фактически прекратилось силовое давление на деревню. Размах репрессивной деятельности местных партийных и советских органов власти в январе-марте как в Сибири, так и в других регионах СССР был настолько широк, что вызвал крайне негативную реакцию большинства крестьян, включая и тех из них, кто служил в армии. Чтобы стабилизировать политическую ситуацию, было решено пойти на прекращение чрезвычайных методов проведения хлебозаготовок. На принятии подобного решения также сказалось приближение весеннего сева. Местные власти вполне резонно опасались, что реакцией крестьян на продолжающийся нажим может стать сокращение посевной площади.

7 апреля от имени Сибкрайкома ВКП(б) и крайисполкома в адрес окружных комитетов компартии и исполкомов телеграфом была направлена директива, которая предписывала перенести *«центральное внимание всей парторганизации, советских [и] кооперативных организаций и аппаратов на проведение посевной кампании»*, «немедленно» прекратить применение ст. 107 УК, срочно рассмотреть «оставшиеся» дела по данной статье, подписку на крестьянский заем вести *«[в] строго добровольном порядке»*¹²¹. Проходивший в это же время в Москве (6–11 апреля) объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в резкой форме осудил *«извращения и перегибы, допущенные местами со стороны партийных и советских органов»* и потребовал их «категорической отмены», «немедленной ликвидации» и «объявления им самой решительной борьбы»¹²². Следует учитывать, что пленум проходил в условиях, когда с помощью осуждаемых с высокой трибуны «извращений и перегибов» ситуацию с хлебозаготовками удалось существенно улучшить. Централизованный хлебозакуп по СССР в январе–марте 1928 г. превышал показатель октября–декабря 1927 г. в 1,8 раза, а выполнение годового плана по заготовкам зерновых на 1 апреля составляло 85%¹²³. Применение чрезвычайных мер в связи с этим можно было и отменить.

Однако уже 25 апреля, в условиях постоянно снижающихся темпов заготовок, Политбюро в своей директиве осудило *«демобилизационные настроения»* местных партийных и советских органов, которые *«вместо безусловно необходимого устранения перегибов»* пошли на

«полный отказ от мер нажима в отношении верхушки деревни» и потребовало *«усилить нажим на кулацкую часть и частных, злостно спекулирующих крупными партиями хлеба, применяя к ним директиву ЦК о 107 статье, решительно исправляя имевшие место перегибы и впредь не допуская их повторения»*¹²⁴. После получения этой команды соответствующие директивы о возобновлении применения ст. 107 УК были даны и в Сибири. Определение необходимого количества «объектов» для привлечения по данной статье возлагалось на окружные органы власти, которым также надлежало «тщательно» готовить процессы, проводить судебные заседания в местах проживания подсудимых, обеспечивать *«широкую гласность, обвинение и защиту»*, а также быстроту исполнения приговоров¹²⁵.

В апреле 1928 г. ухудшилось положение на потребительском хлебном рынке Сибири. Собранного в крае зерна для удовлетворения внутрирегионального спроса хватило бы с избытком. Однако местные заготовительные организации в первую очередь должны были выполнять задания по отгрузке закупленной продукции в европейскую часть страны. В связи со значительным невыполнением апрельской заготовительной программы делалось это за счет снижения внутрисибирского снабжения. В результате стал ощущаться недостаток хлебопродуктов в сибирских городах. Показателем значительного превышения спроса над предложением явился резкий рост рыночных хлебных цен. Увеличение цен началось уже в марте. В феврале цена одного пуда пшеницы крестьянского привоза на городских рынках края в среднем составляла 1 р. 5 к., в марте – 1 р. 11 к., в апреле – 1 р. 39 к. При этом в конце апреля жители Канска покупали пшеницу по цене 1 р. 53 к., Барнаула – 1 р. 63 к., Красноярска – 1 р. 84 к., Омска – 2 руб. за пуд¹²⁶. В то же время закупочные цены государственных и кооперативных заготовительных организаций оставались стабильно низкими и разница между ними и рыночными ценами увеличилась в целом по региону с 23 коп. за пуд в конце марта до 41 коп. в конце апреля (см. табл. 21, 22). Естественно, что в этих условиях крестьяне стремились остатки своих товарных запасов продавать на городских базарах.

В мае ситуация еще более ухудшилась. Один пуд пшеницы на городских рынках в среднем покупался уже за 2 р. 2 к.¹²⁷, а разница между государственными заготовительными и среднесибирскими рыночными ценами увеличилась до 61 коп. Основной причиной нарастающего превышения спроса над предложением стала минимизация товарных запасов зерна в крестьянских хозяйствах. Более того, хлеба не хватало и в самой деревне. Доказательством этого служит рост цен на сельских рынках региона. Если в январе-марте средняя

цена одного пуда пшеницы на них составляла 90–91 коп., то в конце апреля – 1 р. 8 к., а в конце мая – 1 р. 15 к.¹²⁸

Особенно страдала от недостатка хлеба беднота, которая, доказывая свою преданность советской власти, к этому времени сдала государству даже часть зерна, необходимого для посева и питания. Местные власти, призывая бедняков к продаже хлеба, обещали оказать им впоследствии продовольственную и семенную помощь, но в мае своих обещаний выполнить не смогли. Свободных запасов зерна в крае не было, почти все оно оказалось вывезено за пределы Сибири. Особенно острый дефицит хлебопродуктов ощущался в сельских районах, специализирующихся на производстве животного масла, и в тех округах, руководство которых, для того чтобы выполнить заготовительные задания, с помощью широкомасштабных репрессий вынудили крестьян к сверхнормативной реализации зерна. Следствием нехватки хлеба были протестившие по Сибири открытые выступления протеста сельских жителей, основными участниками которых стали крестьянки (так называемые бабы волынки).

Особую тревогу властей вызвали события в Карасукском районе Славгородского округа, которые специально анализировались на бюро Сибкрайкома ВКП(б)¹²⁹. В Карасуке 14 мая группа женщин, «побунтовав» в течение дня возле райисполкома, добилась от его председателя раздачи хлеба. В селе Содомном 20 мая крестьянки *«захватили ключи от кооперативного амбара, задержали 4 подводы хлеба к отгрузке и разграбили 132 пуда хлеба»*. Аналогичные выступления затем произошли в Полойке, Казанаке, Половинном и Ореховом-Логоу, где *«женщины захватили ключи от кооперативных амбаров, не подпустили к себе представителей власти, пытались учинить по отношению к ним физическое воздействие, затем устраивали ночные дежурства по 18–20 человек. В числе дежуривших были старухи 60 лет и женщины с детьми. В селе Казанаках женщины повесили свой замок, так что там на амбаре, где был хлеб висело два замка: один кооперативный, а другой женский. В течение 3-х дней отгрузка хлеба из этих сел была задержана»*. По утверждению выезжавшей в Карасукский район для изучения ситуации заместителя заведующей женотделом крайкома А.Р. Подчасовой: *«Фактически Сов[етской] власти в этих селах в дни выступления не было»*¹³⁰.

Показателем минимизации товарных запасов хлеба в регионе стало дальнейшее снижение объемов централизованных заготовок. Хлеба в мае в Сибири собрали в 2 раза меньше, чем в апреле. Месячный план, утвержденный в размере 3,5 млн пудов¹³¹, был выполнен на 27%. Резкое сокращение заготовок произошло и в других хлебопроизводящих

регионах страны. Вследствие этого в очередной раз ухудшилось снабжение потребляющих центров. В зерне для посева погибших озимых нуждались Северный Кавказ и Украина. В создавшихся условиях большевистский режим решил ужесточить давление на деревню. В регионы «для усиления хода хлебозаготовок» в качестве уполномоченных вновь направлялись члены ЦК ВКП(б).

В Сибирь прибыл секретарь ЦК С.В. Косиор, потребовавший от сибирского руководства неукоснительного выполнения разверстанного на край заготовительного задания на июнь. Участники состоявшегося 3 июня 1928 г. краевого совещания по хлебозаготовкам, в котором принял участие уполномоченный Центра, решили «установить на июнь твердый план заготовок в общих цифрах по Сибкраю ни в коем случае не менее, чем в 5–5,5 миллионов пудов, который может и должен быть выполнен при всяких обстоятельствах»¹³².

В этих условиях существенно возрос размах антикрестьянских репрессий. Усилившееся давление на сельских функционеров, обвиняемых в бездействии, спровоцировало еще более сильную, чем в начале года, волну «перегибов». На местах в ход вновь пошли продразверсточные методы заготовок: подворный обход всех крестьян, проверка амбаров, повальные обыски, обложение заданиями по хлебосдаче всех хозяйств. Крестьян заставляли сдавать страховые и даже необходимые продовольственные запасы. Централизованный хлебозакуп в крае в июне увеличился по сравнению с предыдущим месяцем более чем в 3,2 раза и составил 4,2 млн пудов. Тем не менее принятую сибирским руководством на месяц заготовительную программу выполнить не удалось.

Увеличение заготовок в июне ситуацию на потребительском хлебном рынке Сибири не улучшило. Зерно по-прежнему в ущерб внутренним потребностям вывозилось из региона. Рост рыночных цен на хлебопродукты в крае продолжался (см. табл. 22). Цена одного пуда пшеницы на сельских рынках в конце июня составляла 1 р. 29 к., в конце июля – 1 р. 35 к. На самом высоком уровне держались цены в городах маслодельческих округов. В начале июля жители Татарска покупали один пуд пшеницы за 2 р. 75 к., один пуд ржи – за 1 р. 77 к., жители Барабинска – соответственно за 3 р. 57 к. и 2 р. 56 к.¹³³

Состоявшийся в июле 1928 г. пленум ЦК ВКП(б) вновь заявил о необходимости прекращения чрезвычайных мер в сфере хлебозаготовок. Антикрестьянские репрессии прекратились. Объемы централизованного хлебозакупа резко упали. В Сибирском крае в июле заготовки по сравнению с июнем снизились почти в 4 раза. В августе удалось собрать всего 302 тыс. пудов или в 3,5 раза меньше, чем в июле. Это

был самый низкий показатель за последние четыре года – 28% от августа 1927 г., 29% от августа 1926 г. и 47% от августа 1925 г. (см.: прилож., табл. II). Причем на результаты августовского хлебозакупа не повлияло проведенное в соответствии с решением июльского пленума ЦК ВКП(б) существенное повышение директивных закупочных цен государственных и кооперативных заготовительных организаций. На пшеницу они увеличились с 85 коп. до 1 руб., на рожь – с 55 до 68 коп., на овес – с 48 до 58 коп. за пуд¹³⁴. Данное обстоятельство является доказательством практически полного исчерпания товарных запасов зерна у сибирских крестьян.

В итоге с сентября 1927 г. по август 1928 г. включительно в Сибирском крае в централизованном порядке было заготовлено 76 015 тыс. пудов хлебопродуктов, в том числе 55 719 тыс. пудов пшеницы, 9274 тыс. пудов ржи, 8552 тыс. пудов зернофуража, 290 тыс. пудов крупных культур и 1824 тыс. пудов маслосемян. Доля пшеницы в общем объеме хлебозакупа несколько понизилась (с 76 до 73,3%), а доля ржи и зернофуража повысилась (соответственно с 11,5 до 12,2% и с 8,5 до 10,5%). По оперативным данным, Сибкрайсоюз заготовил 36 202 тыс. пудов, Сибсельскосоюз – 22 523 тыс., «Сибхлебопродукт» – 12 303 тыс., Сибторг – 4047 тыс., Росмасложирсиндикат – 176 тыс., мельтресты – 130 тыс. пудов. Таким образом, 78% приобретенной за год продукции пришлось на кооперативные заготовительные организации. Это на 18,4 процентных пункта превышало уровень предыдущего года.

Выполнение годового плана по Сибири в целом составило 92,7%, по юго-восточным округам – 95,6, по северо-восточным округам – 87,2%. Удельный вес восточных районов края в общесибирской заготовке вырос с 20 до 34%. 78 338 тыс. пудов, заготовленных в Сибири в период с июля 1927 по июнь 1928 г. включительно, было зачислено в счет общесоюзного централизованного хлебозакупа, доля региона в котором составила 11,2%. Из Сибири в 1927/28 хозяйственном году вывезли 48 388 тыс. пудов хлебопродуктов¹³⁵.

Таким образом, усиление диспропорций в развитии народного хозяйства и волюнтаризм ценовой политики советского руководства привели к возникновению зимой 1927/28 г. острого хлебозаготовительного кризиса, выход из которого был найден в возвращении к внеэкономическим методам изъятия зерна у его производителей. Применение уголовного преследования сельских жителей, не желающих продавать свой хлеб, знаменовало собой отказ от главного нэповского принципа – свободы распоряжения крестьянином произведенной продукцией.

-
- ¹ Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1926. № 21–22. С. 136.
- ² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4. С. 195.
- ³ Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 178–179.
- ⁴ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921—1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 178.
- ⁵ *ГАНО*, ф. Р-1073, оп. 1, д. 17, л. 2.
- ⁶ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928—1929 гг. М., 2000. Т. 2: Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. С. 214; Плановое хозяйство. 1927. № 9. С. 124.
- ⁷ КПСС в резолюциях... С. 193.
- ⁸ См.: Ежегодник хлебной торговли. М., 1929. № 2: 1927–28 г. С. 13, 15; *ГАНО*, ф. Р-1073, оп. 1, д. 21, л. 29.
- ⁹ *РГАСПИ*, ф. 17, оп. 2, д. 375, л. 145–146.
- ¹⁰ Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1927. № 15. С. 45.
- ¹¹ Прилож. Табл. I; *ГАНО*, ф. П-2, оп. 2, д. 402, л. 39об.
- ¹² *ГАНО*, ф. Р-47, оп. 5, д. 68, л. 160–161; оп. 1, д. 438, л. 4.
- ¹³ Там же, ф. Р-1073, оп. 1, д. 37, л. 4, 14.
- ¹⁴ Там же, ф. Р-47, оп. 1, д. 439, л. 210; оп. 5, д. 68, л. 160–161.
- ¹⁵ Там же, оп. 5, д. 68, л. 160об.; ф. Р-1073, оп. 1а, д. 40, л. 60–61 об.
- ¹⁶ *Залкин Л.Б.* Вопросы сельскохозяйственных заготовок // Экономическое обозрение. 1927. № 8. С. 39.
- ¹⁷ Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 7. С. 2.
- ¹⁸ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 180–181.
- ¹⁹ Там же. С. 181–182.
- ²⁰ Экономическая жизнь. 1927. 11 дек.
- ²¹ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 157, 181, 183–185.
- ²² Ежегодник хлебной торговли. М., 1928. № 1: 1925/26 и 1926/27 гг. С. 29; Ежегодник хлебной торговли. № 2. С. 44.
- ²³ Экономическая жизнь. 1927. 3 дек.
- ²⁴ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте. С. 78, 181.
- ²⁵ *ГАНО*, ф. Р-47, оп. 5, д. 68, л. 161, 161об.
- ²⁶ Там же, л. 162.
- ²⁷ Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 312.
- ²⁸ На заготовительных пунктах «Хлебопродукта» в Казахстане в декабре 1927 г. 1 ц пшеницы закупулся на 10 коп. дороже, чем в Сибири, ржи – на 7 коп. — Ежегодник хлебной торговли. № 2. С. 63.
- ²⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927—1939. М., 1999. Т. 1: май 1927 – ноябрь 1929. С. 18.
- ³⁰ *ГАНО*, ф. Р-6, оп. 2а, д. 7, л. 86.
- ³¹ Статистическое обозрение. 1928. № 2. С. 18.
- ³² *ГАНО*, ф. Р-47, оп. 5, д. 68, л. 164.
- ³³ Экономическая жизнь. 1927. 11 дек.
- ³⁴ Жизнь Сибири. 1928. № 1. С. 26; Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 29 дек.; 1928. 1 янв.; 29 янв.; 9 февр.

- ³⁵ ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 68, л. 164.
- ³⁶ Жизнь Сибири. 1928. № 1. С. 26; На ленинском пути. 1928. № 1–2. С. 15.
- ³⁷ ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 68, л. 204.
- ³⁸ Советская Сибирь. 1928. 26 янв.
- ³⁹ Обложение сельского хозяйства Сибирского края в 1927–28 г. Новосибирск, 1928. С. 37
- ⁴⁰ Статистическое обозрение. 1928. № 2. С. 7.
- ⁴¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.). М., 1967. Т. 1. С. 575–585.
- ⁴² РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 354, л. 18; Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 30 окт.; Жизнь Сибири. 1928. № 1. С. 27; ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 68, л. 163.
- ⁴³ ГАНО, ф. Р-6, оп. 2а, д. 7, л. 86.
- ⁴⁴ Там же, ф. Р-1073, оп. 1а, д. 58, л. 9.
- ⁴⁵ Там же, ф. Р-47, оп. 1, д. 698, л. 57.
- ⁴⁶ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 1 дек.; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 112.
- ⁴⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 354, л. 18; ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 68, л. 209.
- ⁴⁸ ГАРФ, ф. А-410, оп. 1, д. 45, л. 87; д. 51, л. 30.
- ⁴⁹ Там же, д. 47, л. 101.
- ⁵⁰ XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1962. Ч. II. С. 860.
- ⁵¹ См.: ГАРФ, ф. А-410, оп. 1, д. 51, л. 66; д. 52, л. 116.
- ⁵² РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 662, л. 3.
- ⁵³ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 108.
- ⁵⁴ ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 68, л. 168–168об.
- ⁵⁵ Там же, л. 161об.
- ⁵⁶ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 113–114.
- ⁵⁷ ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 68, л. 232.
- ⁵⁸ Советская Сибирь. 1928. 8 янв.
- ⁵⁹ Краевая «хлебная тройка» 13 января 1928 г. предоставила окрисполкомам право «если потребуется, произвести дальнейшее снижение цен на мясо вместо 15% до 20%». — ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 68, л. 181.
- ⁶⁰ Там же, л. 168об.–169об., 206, 209.
- ⁶¹ Там же, л. 159.
- ⁶² Там же. С. 30–31, 136.
- ⁶³ Сталин И.В. Соч. М., 1953. Т. 11. С. 12.
- ⁶⁴ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 193–195.
- ⁶⁵ ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 68, л. 240, 202.
- ⁶⁶ До начала апреля 1928 г. в Сибирском крае к уголовной ответственности по ст. 105 УК было привлечено 134 работника государственных и кооперативных заготовительных организаций. — ГАНО, ф. Р-20, оп. 2, д. 176, л. 168об., 169об.
- ⁶⁷ ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 68, л. 181.
- ⁶⁸ Принятая в 1926 г. ст. 107 УК РСФСР имела следующее содержание: «[Ч. 1] Злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок [влечет] лишение свободы на срок до одного года с конфискацией всего или части имущества или без таковой. [Ч. 2] Те же действия при установ-

лении наличия сговора торговцев – лишение свободы на срок до трех лет с конфискацией всего имущества». (Уголовный кодекс РСФСР. М., 1929. С. 65). До начала 1928 г. данная статья в судебной практике фактически не применялась.

⁶⁹ ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 68, л. 172.

⁷⁰ Там же, ф. Р-6, оп. 1, д. 968, л. 232.

⁷¹ ЦХАФАК, ф. Р-100, оп. 1, д. 135, л. 2–6.

⁷² Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 779. Поскольку зажиточные крестьяне были более платежеспособными и старались по возможности избежать конфликта с властями, большая часть осужденных по ст. 60 УК РСФСР являлась середняками. Так, по данным крайпрокуратуры, из 2102 осужденных к концу марта 1928 г. по данной статье 903 крестьянина были середняками, 104 – «кулаками» и 119 – бедняками. — ГАНО, ф. Р-20, оп. 2, д. 176, л. 173.

⁷³ ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 289а, л. 9об.

⁷⁴ Пленум Сибирского краевого комитета ВКП(б) 3–7 марта 1928 г. Стенограф. отчет. Новосибирск, 1928. С. 132.

⁷⁵ ГАНО, ф. Р-20, оп. 2, д. 176, л. 4. В направленном в начале апреля 1928 г. в адрес прокурора РСФСР докладе прокурора Сибирского края говорилось, что, поставив 9 января вопрос о необходимости привлекать к уголовной ответственности «держателей крупных запасов хлеба» из числа зажиточных крестьян, прокуратура имела в виду применение к ним ст. 107 УК РСФСР. (Там же, л. 170). Однако в выявленном нами тексте прокурорской записки, в которой были сформулированы цитируемые выше предложения, данная статья не упоминается.

⁷⁶ Иконникова И.П., Угроватов А.П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопр. истории КПСС. 1991. № 1. С. 71.

⁷⁷ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 195–196.

⁷⁸ ГАНО, ф. П-2, оп. 4, д. 25, л. 9.

⁷⁹ Впоследствии действие директивы № 101/с с внесенными в нее на бюро крайкома 18 января по предложению И.В. Сталина «коррективами» было распространено и на другие хлебопроизводящие округа края. — Там же, оп. 2, д. 217, л. 167

⁸⁰ Там же, оп. 1, д. 2571, л. 307.

⁸¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 199.

⁸² Цит. по: Демидов В.В. Хлебозаготовительная кампания 1927/28 г. в сибирской деревне // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 126.

⁸³ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 199.

⁸⁴ Там же. С. 196–199.

⁸⁵ Там же. С. 201–202.

⁸⁶ ГАНО, ф. Р-1027, оп. 6, д. 9, л. 10–11.

⁸⁷ Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 18.

⁸⁸ ГАНО, ф. Р-20, оп. 2, д. 163, л. 27; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 783.

⁸⁹ ГАНО, ф. П-2, оп. 4, д. 51, л. 244–245.

⁹⁰ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 202.

⁹¹ Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 3.

⁹² Там же. Персональной критике генсек подверг председателя правления Сибкрайсельхозбанка С.И. Загуменного, который в докладной записке на имя

И.В. Сталина и С.И. Сырцова назвал решение бюро крайкома от 18 января 1928 г. о применении ст. 107 УК РСФСР к кулакам – держателям крупных хлебных излишков – ошибочным. — Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 199–201.

⁹³ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 36–37.

⁹⁴ ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 217, л. 164об., 451.

⁹⁵ См.: Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 2.

⁹⁶ Гуцин Н.Я. Раскулачивание в Сибири (1928—1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. С. 154.

⁹⁷ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 199.

⁹⁸ ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 217, л. 464об.

⁹⁹ Там же, ф. Р-20, оп. 2, д. 176, л. 66.

¹⁰⁰ Там же, ф. П-2, оп. 2, д. 217. л. 559–560.

¹⁰¹ Авторы доклада крайпрокуратуры о применении мер репрессивного характера» в ходе хлебозаготовительной кампании, указывая на неполноту приведенных данных, считали, что на начало апреля к уголовной ответственности по ст. 107 в крае было привлечено около 2000 чел. — Там же, ф. Р-20, оп. 2, д. 176, л. 172.

¹⁰² ГАНО, ф. Р-1027, оп. 6, д. 9, л. 21. До начала апреля 1928 г. в Сибирском крае к уголовной ответственности по ст. 111 УК было привлечено 552 сельских функционера, абсолютное большинство которых были работниками сельсоветов и низовых кооперативов. — Там же, ф. Р-20, оп. 2, д. 176, л. 168об., 169об.

¹⁰³ ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 217, л. 257

¹⁰⁴ Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 16.

¹⁰⁵ ГАНО, ф. Р-1027, оп. 6, д. 9, л. 36.

¹⁰⁶ Там же, ф. П-2, оп. 2, д. 217, л. 460, 464.

¹⁰⁷ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 259.

¹⁰⁸ Там же. С. 38.

¹⁰⁹ ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 289а, л. 32.

¹¹⁰ Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987. С. 174.

¹¹¹ Советская Сибирь. 1928. 3 февр.; Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 1 апр.

¹¹² См.: ГАНО, ф. Р-6, оп. 2а, д. 9, л. 91–92об.

¹¹³ СЗ СССР. 1924. № 6. Ст. 69.

¹¹⁴ СУ РСФСР. 1928. № 8. Ст. 73.

¹¹⁵ В конце января 1928 г. органы Верховной власти РСФСР предоставили региональным властям право «в необходимых случаях» повышать для отдельных районов предельный размер самообложения, а в феврале разрешили и увеличивать его для «особо мощных крестьянских хозяйств». — Там же. № 19. Ст. 144; № 24. Ст. 170.

¹¹⁶ ГАНО, ф. Р-6, оп. 2а, д. 10, л. 103об.

¹¹⁷ Там же, ф. П-2, оп. 2, д. 217, л. 472.

¹¹⁸ Там же, л. 619.

¹¹⁹ Там же, л. 611; ф. Р-1027, оп. 6, д. 9, л. 43.

¹²⁰ Там же, ф. П-2, оп. 2, д. 217, л. 616.

¹²¹ Там же, ф. Р-1073, оп. 1, д. 29, л. 556.

¹²² КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 317.

¹²³ Ежегодник хлебной торговли. № 2. С. 4.

¹²⁴ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 261–262.

¹²⁵ ГАНУ, ф. П-2, оп. 2, д. 217, л. 673; л. 698. По данным крайпрокуратуры в крае к уголовной ответственности по 107 ст. УК с 1 апреля по 15 июля 1928 г. было привлечено 622 чел. Средние размеры конфискованного у них хлеба колебались от 500 пудов на хозяйство в Ачинском округе до 78 пудов в Кузнецком округе. — Там же, ф. Р-20, оп. 2, д. 176, л. 222об., 234.

¹²⁶ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 1 марта; 1 апр.; 28 июня; Бюллетень рынка и цен Сибирского края. 1928. № 26.

¹²⁷ Жизнь Сибири. 1928. № 8. С. 87.

¹²⁸ Бюллетень рынка и цен Сибирского края. 1928. № 22. С. 18; № 23. С. 18; № 24. С. 18; № 25. С. 18; № 28. С. 17.

¹²⁹ ГАНУ, ф. П-2, оп. 4, д. 25, л. 205.

¹³⁰ Там же, оп. 2, д. 258, л. 17.

¹³¹ Там же, д. 217, л. 711

¹³² Там же, д. 217, л. 738.

¹³³ Бюллетень рынка и цен Сибирского края. 1928. № 28. С. 4, 17.

¹³⁴ ГАНУ, ф. Р-1073, оп. 1, д. 25, л. 322.

¹³⁵ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 20 окт.; 1928. 27 сент.; Бюллетень рынка и цен Сибирского края. 1928. № 30. С. 22; Ежегодник хлебной торговли. № 2. С. 2; *Гуцын Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926—1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 108.